

ЮКИО
МИСИМА

*Храм
на рассвете*

АЗБУКА-КЛАССИКА

Юкио Мисима
Храм на рассвете
Серия «Азбука-классика»
Серия «Море изобилия», книга 3

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65822194

Юкио Мисима Храм на рассвете:
ISBN 978-5-389-19911-8

Аннотация

Юкио Мисима – самый знаменитый и читаемый в мире японский писатель. Прославился он в равной степени как своими произведениями во всех мыслимых жанрах (романы, пьесы, рассказы, эссе), так и экстравагантным стилем жизни и смерти (харакири после неудачной попытки монархического переворота). «Храм на рассвете» – третий роман тетралогии «Море изобилия», считающейся вершиной сочинительства Мисимы и своего рода творческим завещанием; это произведение, в котором Мисима, по его словам, «выразил все свои идеи» и после которого ему уже «не о чем было писать». Завершив последний роман тетралогии, он поставил точку и в своей жизни. «Море изобилия» содержит квинтэссенцию собственной эстетической системы Мисимы, сочетающей самурайско-синтоистские элементы с

образами европейской античности, влиянием эзотерического буддизма и даже индуизма. Краеугольным камнем этой эстетики всегда оставалась тема смерти и красоты; герои Мисимы стараются постичь страшную и неопределимую загадку красоты, которая существует вне морали и этики, способная поработить и разрушить человеческую личность. Сюжет «Моря изобилия» основан на идее реинкарнации, последовательно раскрывающейся через историю трагической любви, идеалистического самопожертвования, мистической одержимости, крушения иллюзий. В «Храме на рассвете» сквозной герой тетралогии адвокат Хонда пытается найти объяснение чуду, которое видел уже дважды в жизни, и, достигнув зрелых лет, поддается безумию страсти. Неужели тайская принцесса Йинг Тьян («Лунный цветок») – и вправду очередное воплощение его давно погибшего друга Киёаки?

Содержание

Часть первая	7
1	7
2	30
3	50
4	64
5	69
6	75
7	77
8	84
9	103
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Юкио Мисима

Храм на рассвете

Yukio Mishima

AKATSUKI NO TERA

Copyright © The Heirs of Yukio Mishima, 1970

All rights reserved

Серия «Азбука-классика»

Перевод с японского Елены Струговой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

© Е. В. Стругова, перевод, примечания, 2005

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

三島由紀

Часть первая

1

В Бангкоке стоял сезон дождей. В воздухе постоянно висела водяная пыль. В потоках яркого солнечного света порой тоже плясали дождевые капли. На небе, даже когда облака плотно закрывали солнце, где-нибудь обязательно проглядывала ослепительно сиявшая голубизна. Ни с чем не сравним был тот пепельно-мрачный цвет, которым наполнялось небо в ожидании ливня. Зыбкая мгла окутывала ряды низких домов, среди которых повсюду были разбросаны зеленые кокосовые пальмы.

Название Бангкок, буквально «город олив», столица получила в эпоху династии Аютия,¹ когда здесь росло множество оливковых деревьев; было и еще одно старинное название – «город ангелов». Все сообщение в городе, лежащем практически на уровне моря, осуществлялось по каналам. На самом деле это были рвы, оставшиеся после строительства дороги, потом они превратились в реки. После возведения домов, для чего тоже насыпалась земля, образовались пруды.

¹ *Династия Аютия* — название дано по столице Аютия (совр. Аютхая), основанной в 1350 г. (прим. переводчика)

Из прудов вода естественным образом перетекала в речушки – и возникла сеть так называемых каналов, и все они стремились к матери воды – реке Менам, которая в лучах солнца казалась то светло-, то темно-шоколадной, совсем как кожа здешних жителей.

В центральной части города стояли трехэтажные здания европейского типа с балконами, там, где селились иностранцы, было много кирпичных домов в два-три этажа, но деревья на улицах, сообщавшие этому городу особую прелесть, во многих местах при реконструкции улиц были вырублены и пошли на мощение дорог. В сохранившихся аллеях акации нависали над дорогой, преграждая путь лучам палящего солнца, и черным кружевом расстилали тень; после ливня, сопровождавшегося раскатами грома, поникшие от жары листья оживали и бодро распрямлялись.

Оживленностью Бангкок напоминал некоторые города Южного Китая. По улицам сновали двухместные трехколесные тележки с откинутым в сторону поломом, иногда проводили буйволов с полей в окрестностях Банкаппи – на их спинах сидели вороны; в глаза бросались черные лоснящиеся пятна – это блестела кожа нищих, больных проказой. Вокруг бегали абсолютно голые мальчишки, девочки были прикрыты по бедрам повязками с золотым шитьем. На утренних базарах продавались диковинные цветы и фрукты. В китайском квартале в лавках золотых дел мастеров горели огнем цепи из чистого золота, закрывая прилавки, будто бамбуко-

вая штора.

Однако с наступлением ночи город оказывался во власти луны и звезд. Кроме гостиниц, имевших свое электроснабжение, только дома приобщившихся к цивилизации богачей кое-где освещали улицы города праздничным светом. Большинство жителей пользовались керосиновыми лампами, жгли свечи. В низких домишках, тянувшихся вдоль реки, семьи проводили вечер при единственной свече, горевшей перед статуэткой Будды, и за бамбуковой шторой в глубине дома призрачно поблескивала позолота. Перед Буддой курилась, распространяя аромат, толстая бурая свеча. Дрожащие блики, которые бросали на воду огоньки свечей, горевших в домах на другом берегу реки, порой заслонялись силуэтами проплывавших суденышек.

В прошлом году, 15-м году Сёва², название страны – Сиам было изменено на Мыанг Тай, в европейских документах – Таиланд.

Бангкок называли Восточной Венецией, но вряд ли исходили при этом из внешнего облика столь несопоставимых по размеру и архитектуре городов. Причин для такого сравнения было две: во-первых, водное сообщение по многочисленным каналам и, во-вторых, огромное количество храмов. В Бангкоке их было семьсот.

Словно разрывая зеленый покров, возвышались надо всем башни – неперенный атрибут буддийского монастыря; на

² 1940 год.

них ложились первые блики рассвета, и на них до последнего держались лучи заходящего солнца, все время, пока светило солнце, башни причудливо меняли цвет.

Храмы обычно были небольшими, но в девятнадцатом веке Рама V, Великий император Чулалонгкорн, построил Ват Бэнчамабопитт – Мраморный храм – великолепное современное архитектурное сооружение.

Нынешний правитель – Рама VIII, его величество Ананда Махидон, вступил на престол в 10-м году Сёва³, в возрасте одиннадцати лет, и сразу же отправился учиться в Швейцарию, в Лозанну. Сейчас ему исполнилось семнадцать, но он по-прежнему прилежно одолевал науки за границей. В его отсутствие неограниченную власть получил премьер-министр Руан Пибун, который лишь формально консультировался с регентами. Должность регентов имели двое. Его высочество принц Атитт Апа являлся таковым номинально, фактически же регентом был Приди Паномионг.

В свободное время его высочество принц Атитт Апа, будучи ревностным буддистом, часто посещал расположенные в разных местах храмы и как-то вечером специально отправился в Мраморный храм.

Храм находился рядом с маленькой речушкой, от нее шла аллея акаций – дорога к Накхонпатому.

Ворота, которые охраняли две каменные лошади, украшала напоминавшая сверкающий кристалл корона в стиле

³ 1935 год.

древних кхмеров, рыжие от ржавчины створки ворот были распахнуты. Слева и справа от вымощенной каменными плитами дороги, ведущей прямо к храмовому залу, на сиявших изумрудной зеленью газонах стояли две беседки с башенками, построенные по образцу древнеяванских. На газонах цвели подстриженные под шар невысокие деревья, на крышах беседок на языках пламени танцевали белые львы.

Колонны из белого индийского мрамора на фасаде храма, стоящие на страже два мраморных льва, по-европейски низкий каменный парапет — все это, как и мрамор стен, отражая лучи заходящего солнца, просто слепило. Однако то был всего лишь белый холст, предназначенный подчеркнуть роскошь нанесенных на него золота и киновари. Арки типично готических окон с внутренней стороны оживлял красный цвет и окружало пламя сверкающей позолоты сложных узоров. И на белых колоннах фасада в венчавших их украшениях блестело золото священных змей, обвивавших колонны, скаты крытых красной черепицей крыш окаймляли поднявшие голову золотые змеи, и везде на коньках крыш, словно острый носок женской туфельки, которым ее хозяйка стремилась достать небо, тянулись вверх, рассекая золотом глубокую синеву, напрягшиеся змеиные хвосты. Золото неярко сверкало в лучах тропического солнца, оттеняя белизну оперения голубей, резвившихся на крыше.

Однако, когда небо начинало грустнеть и потревоженные белые голуби вспархивали, они делались черными как сажа.

Будто пламя золота, бесконечно умноженное в украшениях храма, начинало коптить.

Кокосовые пальмы во дворе храма застыли в немом изумлении, похожие на фонтаны, выбрасывающие брызги зелени.

Растения и животные, металл, камень, красная охра – все мешалось, плавилось, кружилось в лучах яркого света. Мраморная грива огромных белых львов, охранявших вход, напоминала подсолнухи. Плотнo сидевшие в широко распахнутой пасти зубы – семечки, а дышащая злобой морда – сам цветок подсолнуха.

«Роллс-ройс» его высочества принца Атитта Апа остановился у ворот храма. Мальчишки в красной форме – военные музыканты, уже выстроившиеся с двух сторон вдоль приютивших беседки газонов, – надувая смуглые щеки, затрубили в горны. Их красная одежда отражалась в начищенных инструментах. Какая гармония с миром, освещенным тропическим солнцем!

Стражник в белой одежде с красным поясом раскрыл над головой Атитта Апа зонт цвета травы и двинулся следом. Его высочество, в белом мундире с орденами, вошел в храм, его сопровождали отмеченный синим поясом камергер, который раздавал милостыню, и десять телохранителей.

Так было заведено, что посещение его высочеством храма продолжалось около двадцати минут. В течение этого времени сопровождавшие ожидали на газоне под яркими лучами солнца. Вскоре в помещении зазвучали струны, их

звук смешались с ударом гонга; стражник, держа в руках зонт, увенчанный изящной золотой башенкой, стоял у входа, а четыре телохранителя в головных уборах, закрывавших, как у монахов, затылок, выстроились на ступенях храма. Заглянуть внутрь помещения было нельзя, но от дверей, где солнце просто слепило, можно было разглядеть мерцавшие в полумраке свечи, различить голос, читавший сутру. Звук струн длился недолго – раздался гонг, и музыка смолкла.

Стражник, раскрыв зонт, почтительно укрыл от солнца вышедшего из храма Атитта Апа, телохранители отдали честь саблями. Его высочество быстрым шагом вышел из ворот и сел в «роллс-ройс».

Вскоре провожавшие принца разошлись, ушел и отряд музыкантов – в храме наступил час вечернего отдыха. Монахи в шафрановых одеяниях, оставлявших открытым правое, коричневое плечо, вышли на берег реки; одни читали, другие беседовали. По реке плыли увядшие красные цветы, гниющие плоды, в воде отражались росшие на другом берегу акации и причудливые вечерние облака. Солнце зашло за храм, трава потемнела. Вскоре в сумерках выделялись только белеющие мраморные колонны, львы и стены.

* * *

Или, например, Ват По.

На территории этого храма, к возведению которого в кон-

це восемнадцатого века имел отношение король Рама I, людям приходилось буквально продираться между возникавшими одна за другой башнями и ступами⁴.

Жгучее солнце. Синь неба. И огромные, словно ноги бредущего белого слона, колонны храмовой галереи.

Башни были украшены мелкими, отражавшими солнце глазурованными плитками. Большую, лилового цвета башню делила на ярусы мозаика лазурного цвета: из бесчисленных плиток на лилово-алом фоне сплетался узор из желтых, красных, белых лепестков, и казалось, тут поставили огромный свернутый персидский ковер из фарфора.

А рядом – башня изумрудного цвета. По стершимся каменным плитам, которые словно молотом сокрушает солнечный свет, пошатываясь, бредет недавно оценившаяся сука, волоча персиковые, с черной точкой снизу соски.

Огромный золотой Будда, возлежащий на алтаре, доверил свои крутые, густые, словно лесная чаша, завитки волос изголовью в синей, белой, изумрудной и желтой мозаике. Золотой рукой он подпирает голову, а в противоположном конце темного помещения, где-то там, поблескивает желтая пятка.

На подошвах ног Будды – изумительная инкрустация, где черный перламутр, переливающийся всеми цветами радуги, складывается в узор и картины, рассказывающие о деяниях

⁴ *Ступа* – буддийское культовое сооружение (в Таиланде в форме колокола), служившее первоначально депозитарием останков Будды или местом хранения сутр. (прим. переводчика)

бога: тут пионы, раковины, скалы, буддийская утварь, цветы лотоса, растущие из болота, танцовщицы, чудо-птицы, львы, белые слоны, драконы, лошади, журавли, фазаны, корабль с тремя парусами, тигры, птица феникс.

На распахнутый прямоугольник окна больно смотреть: он горит, словно начищенная медная доска. Под липами проходят монахи – смуглое правое плечо обнажено, одежда светится оранжевым цветом.

Снаружи такой зной, словно воздух охвачен пламенем. К застоявшейся воде пруда, покоящегося меж башнями, тянут свои бесчисленные корни блестящие зеленые кусты. Кусок скалы на острове, где собираются голуби, окрашен в синий цвет, на нем нарисована огромная бабочка, на вершине, как дурная примета, – черная башенка.

Или охраняющий дворец королей Ват Пракео – храм, известный благодаря своей главной святыне – Изумрудному Будде.

Построенный в 1785 году, он с тех пор ни разу не подвергался переделкам.

Вверху мраморной лестницы, по обе стороны которой стоят золотые башни, даже под дождем сверкает позолота фантастической фигуры женщины-птицы. Промытые дождем киноварь черепиц и зелень обрамления крыш блестят еще ярче.

Извиваются стены галереи Махамандапа, заполненные

бесконечно тянущимися сценами из «Рамаяны»⁵.

Везде на картинах присутствует славный сын бога ветра бог Хануман с ликом обезьяны. Вот страшный демон похищает смуглую, сверкающую белоснежными, словно лепестки жасмина, зубами красавицу Ситу. Отчаянно сражается в бесчисленных битвах Рама, его широко распахнутые глаза являют миру мудрый взор.

Изображенные в технике южной китайской школы живописи горы, светлый фон, типичный для ранней венецианской школы, а на переднем плане красочные дворцы, бог обезьян, армия чудовищ. Над темной водой горных рек летит на скалочной птице бог – он весь в радужных тонах. Лошадь в черной попоне, вставшую на дыбы, умирят кнутом человек в золотой одежде. Из моря вытянуло шею невиданное чудище – оно пытается наброситься на войско, которое движется по дамбе, построенной армией обезьян. Вдали голубое озеро, а Хануман, вытащив меч, подбирается из чащи к белой лошади под золотым седлом, бредущей в тени темного леса.

* * *

– Вы знаете, как звучит официальное название столицы – Бангкок?

– Нет, не знаю.

⁵ «Рамаяна» – древнеиндийская эпическая поэма, посвященная подвигам Рамы – одного из воплощений Вишну. (прим. переводчика)

– Вот, послушайте.

Сопровождавший Хонду переводчик произнес длинную фразу.

– И что же это значит?

– Это практически невозможно перевести. Это как украшения на здешних храмах: зачем-то позолоченные, зачем-то тщательно вырезанные – украшения ради украшения. Выбрали всякие пышные слова и просто нанизали их, как ожерелье: «столица», «девятицветный алмаз», «великий город», «благодатный». Тут, когда подданному надо просто отозваться на обращение его величества короля, бюрократы обязывают его отвечать так. – И переводчик воспроизвел какое-то выражение. – Это что-то вроде «я ваш почтительно преданный, робкий слуга».

Хонда, откинувшись в плетеном кресле, отвлекшись от забот, с интересом слушал рассказы Хисикавы.

Компания «Ицуи» приставила к нему в качестве гида-переводчика этого, похоже, неудавшегося художника, который знал все на свете, но порой манкировал своими обязанностями. Хонда, которому исполнилось уже сорок семь лет, подумал, что в такой жаркой стране перепоручить дело кому-то другому значило просто возвеличить себя.

Хонда прибыл в Бангкок по приглашению компании «Ицуи». Компания вела торговые переговоры в Японии, и контракт был заключен на основе японского законодатель-

ства, но потом уже в Таиланде начались жалобы, возникли судебные споры, и при обращении в соответствующие инстанции появились проблемы, связанные с международным гражданским правом. В Таиланде адвокаты не знали японских законов. В таких случаях часто приглашали авторитетных адвокатов из Японии, и те помогали в судебных делах, подробно разъясняя ситуацию с точки зрения японского законодательства.

Компания «Ицуи» в январе этого года поставила в Таиланд сто тысяч упаковок жаропонижающего средства карос, однако в тридцати тысячах упаковок таблетки отсырели, изменили цвет, лекарство потеряло свои лечебные свойства. При этом указанный срок действия еще не истек. С точки зрения гражданского права инцидент следовало рассматривать как невыполнение договорных обязательств, а в Таиланде в суде дело представлялось как уголовно наказуемое мошенничество. По 715-й статье гражданского права компания «Ицуи» должна была нести материальную ответственность за дефект продукции, поставленной фармацевтической фирмой-подрядчиком, и для решения подобного рода проблем, связанных с международным правом, была просто необходима помощь такого высококвалифицированного адвоката, как Хонда.

Хонде предоставили прекрасный номер с видом на реку Менам в лучшем отеле Бангкока. Название отеля «Ориенталь» здесь произносили как «ориентен». В комнате с потол-

ка посылали ветер крылья большого белого вентилятора, но намного приятнее было выйти вечером во двор гостиницы и там на берегу реки ловить легкую прохладу речного ветра. Перед ужином, наслаждаясь аперитивом вместе с навещавшим его Хисикавой, Хонда слушал рассказы своего гйда. Пальцы, держащие ложечку, наливались тяжестью и ленью, но поддерживать беседу значило думать, а это было еще тяжелее, нежели поднять посеребренную ложечку.

Солнце зашло: оно скрылось за лежавшим на другом берегу реки храмом Ват Арун – храмом Утренней Зари. Однако широко разлившаяся по небосклону вечерняя заря очертила силуэты высоких башен и затопила огромное небо над зарослями кустарника, казавшимися бескрайней равниной. Зелень джунглей, словно вата, впитала свет и стала изумрудной. По реке сновали сампаны, вода словно цеплялась за грязно-розовый цвет, кругом было множество ворон.

– Всякое искусство напоминает вечернюю зарю, – произнес Хисикава.

Как обычно, перед тем как изложить свою теорию, он сделал паузу и следил за реакцией слушателя. Эта многозначительная пауза Хонду раздражала куда больше, чем болтовня собеседника.

Смуглые щеки делали Хисикаву неотличимым от тайца, но на теле кожа была совсем не такой, как у местных жителей, а мучнисто-белой и дряблой. Освещенный в профиль последними лучами заходящего солнца, он повторил:

– Искусство – это грандиозный закат. Все как в древности, когда прекрасное, сжигая, приносили в жертву. В этой бессмысленной красочности заката исчезнет разум, долго существовавший при свете дня, и неожиданно обнаружит свой конец история, считающаяся вечной. Ведь красота, заслонив взор, сделает всякое человеческое занятие бессмысленным. Когда видишь это великолепие, эту сумасшедшую гонку облаков, то сразу выцветают мечты о «лучшем будущем» и прочем вздоре. Важно только то, что происходит сейчас, когда воздух отравлен цветом. Что имело свое начало? Ничто. У всего есть только конец.

Закат не несет никакого смысла. В ночи же есть суть. Это – космос, смерть и неорганическое существование. И день тоже имеет смысл. Ведь все человеческое принадлежит дню.

А в чем смысл вечерней зари? Да такого понятия нет. Это просто игра природы. С разнообразием формы, света, цвета – бесцельная, но серьезная игра. Посмотрите вон на ту лиловую тучу. Природа редко устраивает такое пиршество цвета. Облака презируют симметрию. Но это нарушение порядка связано с нарушением куда более фундаментальных вещей. Если огромные белые дневные облака – аллегория нравственного благородства, то выходит, что добродетель можно воспринимать в цвете?

Искусство раньше всех предвидит великий конец своей эпохи, готовит этот конец и практически осуществляет его. В искусстве варится вся та роскошь, которая занимает лю-

дей в их жизни, — изысканные еда и вино, красавицы и роскошные одежды. Все эти вещи жаждут выражения. Формы, которые мгновенно подчиняют себе все в жизни человека. Разве закат не то же самое? И ради чего он существует? На самом деле цели-то у него никакой нет.

Придирчивые эстетические оценки более тонких или второстепенных вещей (я говорю о столь выдержанной линии, которая очерчивает вон то оранжевого цвета облако) соотносятся с универсальностью небесного: внутренние, потаенные свойства, окрасившись, становятся заметными, связанными с внешними признаками, — вот что такое закат.

Другими словами, закат — это экспрессия. И функция заката только в экспрессии.

Испытываемые человеком робость, радость, гнев, огорчения приобретают вселенские масштабы. Невидимые миру цвета человеческого нутра в результате подобной операции расплескиваются по всему небу, становятся внешними атрибутами. Самые незначительные проявления нежности, деликатности оказываются связанными с мировой болью, и страдания в результате множатся сами по себе. Бесчисленные мелкие теории, с которыми люди носятся в своей дневной жизни, оказываются втянутыми во взрывы чувств вселенского масштаба, в блистательную свободу этих чувств, и люди осознают бесполезность различных систем. Это проявляется... длится порядка десяти минут... а потом исчезает.

Закат — это мгновение. Это как полет. Закат порой — кры-

ля нашего мира. Как крылышки колибри, которые переливаются цветами радуги и заметны только тогда, когда птичка машет ими, стараясь втянуть в себя цветочный нектар, так и в мире – в лучах заката можно украдкой подсмотреть полет: все материальное, охваченное восторгом, опьянением, порхает, порхает... а потом падает на землю и умирает.

Хонда, слушая вполуха слова Хисикавы, наблюдал, как небо над другим берегом реки окутывают вечерние сумерки: теперь оставалась лишь слабая полоска света на горизонте.

Так что же, всякое искусство есть закат? А ведь на том берегу храм Утренней Зари!

* * *

Вчера рано утром Хонда, наняв лодку, переправился через реку и посетил храм Утренней Зари.

Время он выбрал самое удачное – как раз перед восходом солнца. Было еще сумеречно, солнце слегка позолотило лишь острые шпили храмовых башен. Заросли кустов вдоль дороги разрывал птичий гомон.

По мере приближения все лучше становилось видно, что башня храма богато инкрустирована плакетками с красным и синим рисунком в китайском стиле. Башня делилась на ярусы, обозначенные перилами: перила на первом ярусе были коричневыми, на втором – зелеными, а на третьем – темно-фиолетовыми. Бесчисленные плакетки-инкрустации

изображали цветы: в серединке — маленькая желтая тарелочка, а вокруг раскрылись тарелочки-лепестки. Рядом тянулись к небу цветы, где сердцевинкой служила перевернутая чашечка бледно-лилового цвета, а на лепестки пошли тарелочки с разноцветным узором. Листвой была черепица. С вершины на четыре стороны свесили свои хоботы белые слоны.

От этой многоликости, от повторяемости узоров захватывало дух. Расцвеченная красками, облитая светом башня состояла из нескольких слоев, к вершине она сужалась, и казалось, будто оттуда стекают сказочные мечты. Подножие круто взмывавшей лестницы тоже было сплошь покрыто цветочным узором, каждый из ярусов башни поддерживали скульптуры птиц с человеческими лицами. Ярусы, нагруженные мечтами, ожиданиями, молитвами, громоздились друг на друга и подбирались к небу. Сотни тысяч тарелочек мгновенно улавливали лучи утренней зари, пробивавшиеся с противоположного берега реки Менам, и превращались в сотни тысяч крошечных зеркал, и все это сияло, как огромная перламутровая раковина.

Эта особенность уже давно отвела башне роль колокола, возвещавшего рассвет. На утреннюю зарю она отзывалась сиянием красок. Башня и создана была затем, чтобы передать силу, значительность, взрыв, которыми сопровождалось зарождение дня.

В охряном пламени отраженной в бурых водах реки Ме-

нам утренней зари сверкал ее силуэт – предвестник жаркого дня, обещание того, что сегодняшний день наступит.

* * *

– Храмов, пожалуй, достаточно. Сегодня вечером я пове-
ду вас в интересное место, – сказал Хисикава Хонде, рассе-
янно смотревшему на тонувший в сумраке храм Утренней
Зари. – Вы видели и Ват По, и Ват Пракео, в Мраморном
храме удостоились чести наблюдать посещение храма реген-
том. Вчера утром съездили посмотреть храм Утренней Зари;
если увлечься, продолжать можно бесконечно, вы и так уви-
дели достаточно.

– Да? – неопределенно отозвался Хонда.

Было неприятно, что его отрывают от размышлений, в ко-
торые он погрузился.

Хонда думал сейчас о старом дневнике снов Киёаки, ко-
торый лежал на дне его чемодана: он давно не брал дневник
в руки и собирался в путешествии перечитать его на досу-
ге. С тех пор как Хонда сюда приехал, он этого еще не сде-
лал: было жарко, да и лень. Однако яркие тона субтропиков,
описанные в одном из снов, были свежи в памяти. Вечно за-
нятый Хонда согласился на поездку в Таиланд не только из-
за работы. Через Киёаки он был знаком с двумя сиамскими
принцами и в том возрасте, когда люди столь чувстви-
тельны, наблюдал со стороны печальный конец любви одного из

них к принцессе Йинг Тянь, помнил историю потерянного кольца с изумрудом, и благодаря тому, что Хонда считал себя сторонним наблюдателем, его память заключила неясные картины в прочную, жесткую рамку. Когда-то он решил для себя, что должен посетить Сиам, но с тех пор прошло много времени.

Однако душа сорокасемилетнего Хонды чуралась мелких чувств, и он незаметно привык, встречаясь с чем-то новым, сразу присматриваться, нет ли тут обмана или напыщенности. «То был мой последний порыв», – иногда думал Хонда. Он имел в виду сильное чувство, заставившее его в свое время оставить должность судьи ради того, чтобы спасти Исао, в котором он увидел возродившегося Киёаки...

Тогда он потерпел полное поражение, реализуя идею «помощи ближнему».

Хонда, перестав верить в возможность помощи ближнему, как адвокат, наоборот, преуспел. Избавившись от страсти, он начал добиваться успехов. И по гражданским, и по уголовным делам он перестал брать небогатых клиентов. И получилось, что дом Хонды процветал теперь куда сильнее, чем при отце.

Эти бедные адвокаты... как жалко они выглядели, когда заявляли, будто представляют в обществе справедливость. Хонда же прекрасно знал те границы, в которых по закону подсудимому может быть оказана помощь. По правде говоря, те люди, которые не могут заплатить вознаграждение ад-

вокату, в большинстве своем нарушают закон по ошибке, вынужденно или по глупости, они не могут быть закоренелыми преступниками.

Временами ему казалось, что, когда человек придумал для безудержной человеческой натуры некие нормы, называемые законами, он просто зло пошутил. Если преступления совершаются вынужденно или по глупости, значит и мораль, лежащая в основе закона, – глупое понятие.

После дела «Союза возмездия эпохи Сёва», которое завершилось смертью Исао, похожие инциденты происходили один за другим, события 26 февраля в 11-м году Сёва⁶, ⁷ завершили беспорядки внутри страны, но начавшаяся затем война с Китаем шла уже пятый год,⁸ она еще не закончилась, а союз трех стран – Японии, Германии и Италии – подтолкнул великие державы к активным действиям, и теперь часто обсуждалась опасность войны между Японией и Америкой.

Однако Хонду не интересовали ни ход времени, ни сложности политики, ни надвигавшаяся война. Все это его не трогало. Внутри у него что-то сломалось. Время напоминает ли-

⁶ 1936 год.

⁷ ...события 26 февраля в 11-м году Сёва... – Путч 26 февраля 1936 г., офицерский бунт национал-радикалов – кульминация фашистского движения в Японии. (прим. переводчика)

⁸ ...война с Китаем шла уже пятый год... – Японско-китайская война, часто определявшаяся в японской историографии как «китайский инцидент», началась в 1937-м и закончилась в 1945 г. с капитуляцией Японии во Второй мировой войне. (прим. переводчика)

вень, капли дождя ударяют по множеству людей, и Хонда знал, что эти капли пропитают водой все без исключения камешки-судьбы, — нигде нет силы, способной это предотвратить. Можно ли знать, какой трагедией окончится та или иная жизнь? Обычно история развивается, отвечая чаяниям одних и обманывая ожидания других. Каким бы печальным ни было будущее, это не значит, что оно обманет надежды каждого.

Из этого не следует делать вывод, будто Хонда превратился в нигилиста и меланхолика. По сравнению с прошлым он стал более живым, даже веселым. Изменилась его манера говорить: когда он был судьей, то взвешивал каждое слово, следил за каждым движением; теперь он стал свободнее даже в одежде: мог надеть пиджак в рубчик, другого цвета, нежели брюки, мог пошутить. Только оказавшись в этой жаркой стране, он перестал шутить, словно шутки его испарились.

В его облике появилась подобающая возрасту значительность. Простые ясные линии молодого лица исчезли, на коже, которая прежде походила на застиранную хлопчатобумажную ткань, проступила благородная тяжесть шелка. Хонда знал, что в юности он не был красавцем, и подобная непрозрачная оболочка, которую дал ему возраст, была не так уж плоха.

К тому же он теперешний по сравнению с собой юнцом определенно имел будущее. Молодые болтают о будущем лишь потому, что оно им еще не принадлежит. Обладание

достигается отказом от чего-то, именно в этом его секрет, который неизвестен молодым.

И Хонда, так же как в свое время Киёаки, не повлиял на течение времени. На смену эпохи Киёаки, павшего когда-то на поле битвы, где столкнулись страсти, шла эпоха, когда молодым людям предстояло погибать в реальных сражениях. Предвестием этого стала смерть Исао. Получалось, что и Киёаки, и Исао, в котором он продолжал жить, погибли по-разному, но каждый на своей войне.

А Хонда? Никаких признаков возможной смерти! Он не жаждал умереть, но и не защищал тело от неизбежных атак смерти. И вдруг в этой знойной земле, где его целый день пронзали раскаленные, огненные стрелы солнца, пышная, густая, заполонившая все вокруг тропическая зелень представила ему сверкающей пышностью смерти.

– Давно, лет двадцать восемь тому назад, я некоторое время дружил с двумя принцами из Сиам, они приезжали в Японию учиться. Один, его высочество принц Паттанадид, был младшим братом короля Рамы Шестого, второй, его двоюродный брат, его высочество принц Кридсада, доводился внуком королю Раме Четвертому. Я собирался, если буду в Бангкоке, повидаться с ними, узнать, как они живут. Хотя меня они уже, наверное, не помнят, и как-то неудобно навязываться...

– Что ж вы не сказали об этом раньше? – словно упрекая Хонду за скрытность, воскликнул всезнайка Хисикава. –

Спросили бы меня и сразу бы получили нужный ответ.

– Так я могу повидаться с принцами?

– К сожалению, не получится. Оба они – дяди короля Рамы Восьмого, он во всем на них полагается, и сейчас они последовали за его величеством в Лозанну. Главные члены королевской семьи отправились в Швейцарию, и дворец практически пуст.

– Жаль.

– Есть, правда, возможность устроить вам встречу с дочерью его высочества принца Паттанадида. Это странная история. Она самая младшая из принцесс, ей только что исполнилось семь лет, она с придворными дамами одна из всей королевской семьи осталась в Бангкоке. Ее держат в малом Дворце Роз – это похоже на домашний арест. Бедная девочка!

– А в чем дело?

– Семья опасается, что за границей решат, будто у нее не все в порядке с головой. Дело в том, что принцесса не раз заявляла, будто тайская принцесса – это ее другое рождение, на самом деле она родом из Японии, и, кто бы что ни говорил, упорствует в этом. По слухам, если с принцессой хоть в чем-то не согласиться, она раздражается, ударяется в слезы, поэтому воспитатели потакают ей в ее фантазиях. Получить аудиенцию у принцессы очень сложно, но раз у вас с принцами были такие отношения, я поговорю, и, если она сейчас в Бангкоке, может, что-нибудь выйдет.

Выслушав эту историю, Хонда не ощутил желания немедленно встретиться с полупомешанной бедняжкой-принцессой.

Он воспринимал ее так же, как воспринимал этот небольшой, горевший в золотых лучах храм. Казалось, храм должен был бы парить в воздухе, но ему никак не оторваться от земли; принцесса, наверное, тоже не может взлететь. В этих местах определенно безумию, равно как и архитектуре, как бесконечно длящемуся однообразному танцу золота, не дано исчерпать себя. И Хонда подумал, что стоит попросить об аудиенции как-нибудь потом.

Пожалуй, причиной того, что он откладывал встречу, была частично лень, которая охватывала человека в этом жарком климате, частично жизненный опыт. У Хонды прибавилось седины, хотя очки, которыми пользуются дальнзоркие, он еще не носил, так как в юности у него была легкая близорукость. Происходящие события Хонда в силу возраста оценивал, применяя к ним критерии того или иного из законов, которые знал досконально. О стихийных бедствиях речь не шла, но ведь любое событие в истории, каким бы неожиданным оно ни выглядело, на самом деле оказывалось связанным с предшествовавшими ему долгими колебаниями, признаками нежелания действовать, совсем как в отношениях

с девушкой, в которую ты влюблен. В том, как быстро она откликается на твои желания, сближается так, как тебе нравится, обязательно ощущается что-то искусственное, поэтому, если собираешься отдаться на волю исторических предопределений, главное – во всем занимать позицию незаинтересованного лица. Хонда видел слишком много примеров, когда человек не получал ничего из того, чего хотел; когда все его желания оказывались тщетными. А если ты не хочешь что-то иметь, тогда, страстно желая это «что-то», избавишься от него. И даже самоубийство, которое кажется зависящим только от собственного желания, собственной воли, – вот Исао вынужден был целый год провести в аду, чтобы совершить его так, как он того хотел.

Однако если задуматься, то самоубийство Исао было на блистающем звездами ночном небе той яркой путеводной звездой, которая привела к событиям 26 февраля. Участники тех событий стремились к свету, хотя сами воплощали ночь. Сейчас, во всяком случае, покров тьмы сброшен, общество живет при свете тревожного, душного утра, но это совсем не то утро, о котором они мечтали.

Когда возник союз трех стран – Японии, Германии и Италии, – часть японских националистов ополчилась против увлечения всем французским, против англomании, но даже приверженцы старых восточных традиций радовались за тех, кто любил Запад, любил Европу. Япония сочеталась не с Гитлером, а с лесами Германии, не с Муссолини, а с римским

Пантеоном. Это был союз германских мифов, римской мифологии и «Кодзики»⁹, близость мужественных, прекрасных богов разных религий, богов Востока и Запада.

Хонда не был, конечно, одержим романтическими предрассудками, но тоже ощущал, что события до дрожи в теле накаляются, надвигается что-то грозное, поэтому, когда он, оторвавшись от Токио, приехал сюда, в Таиланд, небольшой отдых и свободное время, наоборот, вызывали страшную усталость, и не было способа противиться душе, стремившейся все время вернуть его в прошлое.

Хонда все еще не отказался от мысли, на которой настаивал когда-то давно в разговоре с девятнадцатилетним Киёаки: «Человеку свойственны именно те устремления, которые оставят свой след в истории». Однако некоторые вещи девятнадцатилетний юноша предвидит порой с жуткой определенностью. В свое время Хонда считал, что, в силу характера, абсолютно лишен способности влиять на историю. Это ощущение безнадежности с годами усилилось, стало как бы хронической болезнью, однако характер его несколько не изменился. В душе всплыла самая страшная строка, встретившаяся ему в «Рассуждениях о достижении истинного»¹⁰, од-

⁹ «Кодзики» – «Запись о делах древности» (VIII в.), один из самых ранних письменных памятников Японии. Часть текста в национальной религии синто считается священной. (прим. переводчика)

¹⁰ «Рассуждения о достижении истинного» — сохранившийся в китайском переводе трактат индийского буддийского философа Харивармана (III–IV вв.). (прим. переводчика)

ного из тех сочинений, что он прочитал под влиянием давней беседы с настоятельницей храма Гэссюдзи; там говорилось о воздаянии за грехи: «Пусть ты и не свершишь дурного, на благо ты взираешь потому, что зло еще не созрело».

Выходит, то, что он встретил в Бангкоке радушный прием, все эти томные «блага» тропиков – чудные виды, звуки, даже роскошные еда и питье, – все это вовсе не доказывает, что в оставшиеся до пятидесяти лет годы он «не свершит дурного». Его зло еще не созрело настолько, чтобы спелым плодом упасть с ветки.

В этой стране, исповедовавшей буддизм хинаяны¹¹, на наивное учение о карме, почерпнутое из ранних буддийских сутр, накладывался закон причинности, такой как излагался в своде законов Ману¹² – в молодости на Хонду эта книга произвела сильное впечатление, а в этой стране удивительные лица индийских богов смотрели отовсюду. Священные змеи и орел Гаруда, украшавшие крышу храма, доносили в сегодняшний день из седьмого века буддийскую драму Индии «Нагананда» – то была сцена, где индийский бог Вишну

¹¹ *Хинаяна* – «Малая колесница». Название, применявшееся в древней Индии последователями махаяны («Большой колесницы») к более ортодоксальным, консервативным течениям буддизма. Сами представители традиционных течений буддизма этим названием не пользовались. (прим. переводчика)

¹² *Законы Ману* – название, традиционно применяемое к «Манавадхарма-шастра», самой авторитетной книге индуистского канона. Книга приписывается мифическому прародителю людей и законодателю Ману. Дошедшая до нас версия восходит к 200 г. до н. э. – 200 г. н. э. (прим. переводчика)

восхваляет орла Гаруду за преданность родителям.

После приезда в Таиланд в Хонде вновь проснулась врожденная привычка к анализу: он заинтересовался тем, как буддизм хинаяны понимает тайну возрождения, которое Хонда на протяжении половины своей жизни отвергал рассудком.

Религиозная философия Индии, согласно интерпретациям ученых, делилась на следующие шесть периодов.

Первый период – эпоха Ригведы¹³.

Второй – эпоха брахманов.

Третий – эпоха Упанишад¹⁴, по европейскому календарю с восьмого по пятый век до нашей эры, была временем философии атмана – субъективного духовного начала, провозгласившая идеалом единство индивидуального и космического; в эту эпоху возникла идея круговорота жизни, в этико-философскую систему идея оформилась тогда, когда, соединив с идеей кармы, ей придали характер закона причинности и связали с идеей атмана – «я».

Четвертый период – эпоха разделения учений.

Пятый – с третьего по первый век до нашей эры – эпоха окончательного оформления буддизма хинаяны.

Шестой – это продолжавшаяся последующие пятьсот лет

¹³ *Ригведа* – первый известный памятник индийской литературы (конец 2-го – 1-е тыс. до н. э.), собрание религиозных гимнов. (прим. переводчика)

¹⁴ *Брахманы, Упанишад*ы – теологические трактаты, основа религиозно-философских систем Индии. (прим. переводчика)

эпоха расцвета буддизма махаяны¹⁵.

Эти последующие пятьсот лет и составляли проблему: в этот период был в основном собран и свод законов Ману, который в свое время так захватил Хонду, порастил его тем, что идея круговорота жизни находила свое выражение в статьях закона, однако, казалось бы, одна и та же идея кармы-деяния в буддизме толковалась совсем иначе, нежели в Упанишадах. И отличие это состояло в том, что отрицался атман собственного «я». Можно сказать, что именно в этом состояла суть буддийского учения.

Одной из трех отличительных особенностей буддизма было отсутствие во всех законах индивидуального начала. Буддизм отрицал реальность «я» как главного субъекта жизни, отрицал и «душу» как продолжение существования «я» в будущей жизни. Буддийское учение не признавало души. По буддийским представлениям, души как основной сущности нет ни у живых, ни у неодушевленных предметов. Это утверждение об отсутствии во вселенной определенной сущности вызывало образ бескостной, желеобразной медузы.

Но здесь возникал вопрос, на который было сложно получить ответ: если после смерти все исчезает, то кто же сбивается с истинного пути, совершая дурные поступки, и кто идет по стезе добродетели, совершая благие дела? Если «я»

¹⁵ *Махаяна* – тип буддийской религии, отличавшийся от хинаяны тем, что утверждал принципиальную возможность каждого человека обрести спасение. (прим. переводчика)

не существует, то что же в цепи возрождений представляет собой субъект?

За триста лет учение «Малой колесницы» – хинаяны, страдая от противоречий между идеей субъективного духовного начала, которую буддизм отвергал, и идеей кармы-деяния, которую он унаследовал от ведизма, существуя в условиях постоянной полемики между школами, так и не получило стройного логического завершения.

Для того чтобы данная проблема была возведена в ранг философской, понадобилось ждать концепции «только-сознание»¹⁶, выдвинутой буддизмом махаяны – «Большой колесницы», но еще в сутрах хинаяны определилось понятие «причинности и внутренней сущности мыслей и поступков» – везде, словно аромат благовоний, пропитавший одежду, присутствовало стремление сохранить идею хорошего и дурного деяния, связать их настолько, чтобы они определяли результат; то было предвестием доктрины «только-сознание».

И сейчас Хонда задумался о том, что же скрывалось у друзей его юности – двух принцев из Сиама – за постоянной улыбкой и грустными глазами. Наверное, тяжелая золотая лень и дух легкого ветерка, пробежавшего под сенью деревьев, что были так сродни этой стране блистающих храмов, цветов и плодов: здесь поклонялись Будде, верили в круго-

¹⁶ «Только-сознание» – одна из доктрин буддийской школы Хоссо, доктрина «отсутствия собственной природы». (прим. переводчика)

ворот жизни и чурались строгих логических построений.

Принц Кридсада и уж тем более принц Паттанадид обладали поразительным, поистине философским складом души. А все-таки и сейчас Хонда во всех деталях видел ту картину: Паттанадид, поникший без сознания в плетеном кресле на летней лужайке «Приюта на крайнем юге» при известии о смерти его возлюбленной Йинг Тьян, – сила чувств потрясла душу трезвого аналитика, чувства оказались сильнее рассудка. С белого подлокотника безвольно свисала смуглая рука, склоненное к плечу лицо не потеряло красок, только приоткрылся рот, где поблескивали белые зубы.

Длинные изящные пальцы, просто созданные для искусных ласк, почти касались зелени газона, и казалось, из всех пяти пальцев мгновенно ушла жизнь, когда смерть коснулась той, кого они ласкали.

Хонда подозревал, что воспоминания принцев об их пребывании в Японии, пусть даже приобрели со временем милый сердцу оттенок, вряд ли были такими уж хорошими. Неприятными оказались для них и некоторая изоляция, и плохое знание японского языка, и чуждые обычаи, а тут еще пропажа перстня и смерть Йинг Тьян. А под конец все аккумуляровалось в злобном духе «группы кэндо», от которого отделяли себя и обычные молодые люди вроде Хонды или Киёаки, и принадлежавшая к группе «Белая береза»¹⁷ моло-

¹⁷ «Белая береза» («Береза») – группа писателей и деятелей искусства, объеди-

дежь, придерживавшаяся идей гуманизма. Ситуацию осложняло то, что в окружении принцев подлинная Япония присутствовала очень слабо, они смутно ощущали, что Япония – это страна их врагов. Эти неуступчивые японцы, гордящиеся собой воины-защитники, но уязвимые, словно подростки, бросали вызов еще до того, как кто-либо пытался насмехаться над ними, кидались вперед и гибли еще до того, как кто-либо выказывал им свое презрение. Исао, в отличие от Киёаки, жил в самой гуще подобного мира и верил в его дух.

В качестве одного из достоинств Хонды, которому было почти пятьдесят лет, следовало бы назвать отсутствие предубеждений. И отсутствие авторитетов, потому что ему самому случалось выступать в такой роли. Он не чувствовал себя связанным доводами рассудка, потому что ему самому доводилось олицетворять разум.

Дух, свойственный той группе кэндоистов начала эпохи Тайсё¹⁸, пусть фрагментами, словно это была ткань в горошек, но все же окрасил все их поколение, даже Хонду, который никогда не разделял тех ценностей, так что сейчас, вспоминая свою юность, Хонда сразу же ощутил этот дух.

Мир же Исао, облагородившего этот дух, не походил на тот, в котором прошла юность Хонды. Хонда лишь мельком взглянул на новый для себя мир со стороны, но, встретив

нившаяся вокруг одноименного журнала, основанного в 1910 г. и провозглашавшего идеи уважения личности и гуманизма. (прим. переводчика)

¹⁸ 1912–1926 годы.

личность, боровшуюся и по собственной воле расставшуюся с жизнью в условиях, когда дух, владевший молодежью Японии, был в полном одиночестве, он не мог не сказать себе: «Выжить мне позволяет только энергия Запада, концепции, которые существуют вне Японии». Ведь идеи, свойственные Японии, приводят человека к смерти.

Если вы собираетесь жить, не следует, подобно Исао, упорствовать в соблюдении чистоты. Не следует отрезать себе путь к отступлению, не стоит от всего отказываться.

Смерть Исао, и только она, заставила Хонду задуматься над тем, что же такое чистая, незапятнанная Япония. Разве не было иного способа жить вместе со своей «Японией», кроме как отказаться от всего, отвергнуть реальную страну и своих соотечественников, иного способа, кроме этого, самого ужасного – убить и потом собственным мечом свести счеты с жизнью? Страшно сказать, но разве не доказал Исао своей смертью, что иного способа нет?

Получается, что самые чистые представители нации обязательно пахли кровью, были отмечены печатью варварства. В отличие от Испании, где бой быков, несмотря на критику защитников животных со всего мира, сохранился как национальное зрелище, Япония с началом просвещения эпохи Мэйдзи¹⁹ желала искоренить «туземные обычаи». И в результате самый свежий, чистый дух нации ушел в подполье, и в случавшихся временами вспышках проявлялась его же-

¹⁹ 1867–1912 годы.

стокая, страшная сила.

Но в каком бы ужасающем обличье он ни являлся, то был изначально девственно-белый дух. После приезда в Таиланд Хонда все больше постигал чистоту собственной цивилизации, ее безыскусность, простоту, напоминавшую прозрачность речной воды, позволявшую сосчитать камешки на дне, ясный свет, исходивший от церемоний синто²⁰. Хонда не то чтобы жил всем этим: как и большинство его соотечественников, он не обращал на это особого внимания, вел себя так, словно ничего этого не было, скорее даже избегал в своей жизни. Он прожил, отгородившись от немногословных, весомых изначальных принципов синто, белого шелка священных одежд, кристально чистой воды, девственной белизны колыхаемых ветерком молитвенных полосок, пространства, ограниченного священными воротами-тории, той скальной обители, тех гор, почитаемых как божественное начало, повелителей морской стихии, прожил, не зная японского меча, его сияния, чистоты, разящей силы. Не только Хонда, многие из тех, кто практически стал европейцем, уже не могли сопротивляться этому сильному исконному началу.

Если веривший в душу Исао вознесся на небо, это, несомненно, было воздаянием за благие дела, а как объяснить то, что он может вдруг возродиться в другом человеке?

²⁰ *Синто* («путь богов») – исконная религия, исповедуемая в Японии наряду с буддизмом. По существу, играла роль государственной религии в период после буржуазной революции 1867–1868 гг. до окончания Второй мировой войны. (прим. переводчика)

Предполагать подобное были основания: может быть, Исао принял решение умереть тогда, когда он узрел тайный намек на «другую жизнь». Человек, намеренный безукоризненно, на крайнем пределе прожить свою жизнь, разве он не предчувствует существование другой жизни?

И Хонда, окутанный здешним зноем, вдруг представил себе синтоистский храм в Японии – само воспоминание освежало, словно брызги чистой воды. Священные ворота, которые паломникам, поднимавшимся по каменной лестнице, казались рамкой, окружавшей храм, а тем, кто возвращался, совершив паломничество, представлялись обрамлением картины сплошь голубого неба. Удивительная картина, когда виден или один величественный храм, или только небо. Эти священные ворота-тории, казалось, воплощали душу Исао.

Исао сделал из своей жизни лучшую – прекрасную и вместе с тем простую, определенную, словно храмовые ворота, – раму. И эту раму естественным образом заполнило голубое небо.

Хонда считал, что в последние минуты жизни отношение к душе связало Исао с японским буддизмом, как бы ни была далека ему эта вера. Чуждую ему веру, как мутную воду реки Менам, он процедил через белый шелк – собственное восприятие души.

В гостиничном номере поздней ночью, после того как днем он услышал от Хисикавы историю маленькой принцессы, порывшись в чемодане, Хонда достал со дна завернутый

в лиловый платок-фуросики дневник снов Киёаки.

Рассыпавшиеся от частого чтения страницы Хонда неумело, но бережно сшил собственными руками, на бумаге плясали знаки, написанные торопливым полудетским почерком друга, чернила и через тридцать лет темнели на выцветшей бумаге.

Да, все так. Память не подвела: Киёаки записал свой яркий сон о Сиаме, который приснился ему вскоре после того, как в их усадьбе гостили сиамские принцы.

Киёаки «в высокой, с зубцами, короне, усыпанной драгоценными камнями», сидит на роскошном троне, перед ним заброшенный сад.

По этому можно судить, что во сне Киёаки принадлежал к королевской семье Сиама.

Усевшиеся на балках павлины роняют сверху белый помет, на пальце у Киёаки перстень с изумрудом, который носил один из принцев.

В изумруде появляется «прелестное женское личико».

Это определено личико той маленькой, безумной принцессы, именно оно отражается в изумруде кольца, там же отражается лицо склонившегося над перстнем Киёаки, а потому не подлежит сомнению то, что в принцессу переселилась душа Киёаки, а позже душа Исао.

Любой, слушая красочные рассказы сиамских принцев об их родине, мог увидеть такой сон, в этом не было ничего странного, но Хонда, уже имевший опыт, верил в сны Киёа-

ки, считал их вещими.

Это было очевидно. Стоит лишь раз перейти черту рационального, и дорога открыта. Более того, Исао не рассказывал, а потому Хонда не знал того, что, оказывается, в одну из долгих ночей там, в тюрьме, Исао видел сон о женщине из тропиков.

* * *

Хисикава все то время, что Хонда был в Бангкоке, с неизменным вниманием заботился о нем, и дело об иске к компании «Ицуи», благодаря содействию Хонды, успешно разрешалось. В частности, обнаружились упущения с тайской стороны – стороны истца.

Согласно 473-й статье Торгового кодекса Таиланда, в основу которого были положены законы Америки и Англии, продавец не может нести ответственности за дефекты товара, например, в следующих случаях:

- 1) если покупатель знал о дефектах в момент покупки или если мог узнать о них при обычной проверке;
- 2) если дефекты товара обнаружатся во время его передачи или если покупатель принял товар без запаса;
- 3) если товар продавался на открытом аукционе.

Расследование Хонды позволило предположить, что тайская сторона допустила ошибки, которые подпадали под условия, сформулированные во втором и третьем пунктах.

Если собрать доказательства и надавить на слабые места, то, возможно, противная сторона отзовет иск.

Компания «Ицуи», конечно, была довольна, и Хонда, до некоторой степени успокоившись по поводу работы, подумал, не попросить ли теперь Хисикаву заняться формальностями, связанными с получением аудиенции у принцессы.

Хисикава, похоже, был удручен.

Хонда никогда не испытывал особого желания общаться с людьми искусства, практически ни разу с ними не сталкивался и уж никак не предполагал, что здесь, в далекой стране, ему придется иметь дело с неудавшимся художником.

Странно, Хисикава, выступавший в непривычной для него роли гида, обращал внимание на самые мелкие детали, о чем бы его ни попросили, ни разу не выказал своего неудовольствия, более того, он являлся редким проводником, который в этой стране, где никуда нельзя было войти через главный вход, был отлично осведомлен о всяких окольных путях. Конечно, этот человек и сам понимал, что как сопровождающий он незаменим.

Неизвестно, какое уж он там создал в прошлом произведение, но Хисикава имел характер неисправимой творческой личности. В душе он презирал «обывателей», за счет которых существовал. Это явственно читалось у него на лице, и Хонду забавляло, что его самого Хисикава в душе считает обывателем. Хонда с удовольствием рассказывал ему об оставшихся в Японии жене и матери, о своих огорчениях по

поводу отсутствия детей. По правде говоря, было интересно наблюдать, как Хисикава выражает сочувствие.

Вообще-то, Хонда считал, что незрелость, которая обнаруживается в произведении искусства или в самом художнике, – самое что ни есть безобразное, особенно по сравнению с той красотой незрелости, которую продемонстрировали своей жизнью Киёаки и Исао. Некоторые тянут за собой незрелость до восьмидесяти лет. Торгуют своими пеленками.

Особенно удручают псевдохудожники: непомерная гордость соединяется у них с раболепием, от них исходит какой-то особый запах паразита. Обычную мужскую леность Хисикава обряжал в роскошные аристократические одежды здешних тропиков. Хонду коробила манера Хисикавы заказывать в ресторане дорогие бордоские вина, непременно добавляя: «Ведь платит „Ицуи“». Вино Хонда не так уж и любил.

Ему не хотелось оправдывать такого человека, но, как приглашенный, как гость, он по этикету не мог просить, чтобы ему заменили сопровождающего. Каждый раз в приемной суда или на банкете, когда тучный глава здешнего филиала «Ицуи» спрашивал: «Что, Хисикава вам пригодился?», Хонда с горьким чувством в душе отвечал: «Да, он хорошо работает» – и сердился, что главу филиала вполне удовлетворяет форма ответа и он не замечает подтекста.

Хисикава усвоил темную сторону здешних отношений между людьми, ту сторону, которую можно сравнить с опав-

шей сырой листвой в чаше и которая на глазах превращается в перегной, так что основой профессиональных способностей Хисикавы стало проворство, благодаря которому он раньше других улавливал запах гниения; наверное, прежде он был зеленой мухой, что сиживала на тарелке с объедками у главы здешнего филиала.

– Доброе утро! – Знакомый голос Хисикавы по внутреннему телефону гостиницы пробудил Хонду от тяжелого сна. – Вы уже встали? Прошу прощения. Там во дворце спокойно заставят человека ждать, но ужасно строго соблюдают назначенное для высочайшей аудиенции время, так что я специально пришел пораньше. Вы можете не торопясь побриться. Завтрак? Нет-нет, не беспокойтесь. Нет, я, правда, не завтракал, но спокойно могу обойтись без этого. Что? У вас в номере вместе с вами? Тронут, очень тронут. Ну, если вы настаиваете, то я сейчас поднимусь к вам. Через пять минут? Или через десять? Я не дама, поэтому не стесняйтесь.

Он уже не в первый раз принимал участие в «роскошном», истинно английском завтраке с большим количеством блюд, который подавали в гостинице «Ориенталь».

Вскоре Хисикава в белом, ловко сидящем полотняном пиджаке, обмахиваясь панамой, вошел в номер. И, стоя прямо под большими белыми крыльями вентилятора, начал вещать. Хонда, все еще в пижаме, спросил:

– Да, пока я не забыл. Как мне лучше обращаться к принцессе? Наверное, «ваше высочество»?

– Нет, – уверенно возразил Хисикава. – Принцесса – дочь его высочества принца Паттанадида, он доводился преждему королю сводным младшим братом, и его титул – «пра-онг Тяю», по-английски это, скорее, «его королевское высочество», титул же его дочери – «мом Тяю», поэтому по-английски к ней следует обращаться Your Serene Highness – «ваша светлость»... Да вам не стоит по этому поводу волноваться. Я сделаю все как надо.

Утренний зной упрямо пробирался в комнату. Хонде редко удавалось испытать ощущение, когда, покинув влажную от пота постель, после душа впервые всей кожей осязаешь утро. Для Хонды, которому было свойственно воспринимать окружающий мир исключительно рассудком, самым удивительным, с чем он здесь столкнулся, было то, что все ощущалось физически: его кожа словно впитывала густую зелень тропических растений, алые цветы акации, расцветившее храмы сверкающее золото украшений, синий блеск неожиданной молнии. Теплый ливень. Купание в остывшей воде. Внешний мир казался разноцветной жидкостью, и Хонда целый день был словно погружен в наполненную этой жидкостью ванну. В Японии он почему-то не задумывался о подобных вещах.

В ожидании завтрака Хисикава по-европейски непринужденно прошелся по номеру: презрительно фыркнул, взглянув на заурядный пейзаж в рамке на стене; узор ковра отражался в начищенных до блеска черных ботинках – он реши-

тельно не знал, куда приткнуться. Хонда уже начал уставать от спектакля, в котором Хисикава играл роль человека искусства, а он – рядового обывателя.

Вдруг Хисикава, резко обернувшись, достал из кармана лиловую бархатную коробочку и протянул ее Хонде:

– Не забудьте. Это вы сами преподнесете принцессе.

– Что это?

– Дань. Здесь не принято посещать королевскую семью с пустыми руками.

Открыв коробочку, Хонда обнаружил там кольцо с изумрудом.

– Действительно, я как-то не подумал о подарке. Большое спасибо, что позаботились. Сколько я вам должен?

– Да от вас ничего не нужно. Аудиенция, которую вы получите, важна для компании «Ицуи», вот я и заставил их приобрести подарок. Глава здешнего филиала, наверное, купил у японцев. Так что не беспокойтесь.

Хонда мгновенно решил, что сейчас лучше не спрашивать о цене. Ему не следует обременять компанию «Ицуи» своими личными делами, так что деньги нужно будет отдать главе филиала. Хисикава, пожалуй, запросит лишнего, так что лучше уплатить настоящую цену.

– В таком случае благодарю за заботу.

Хонда встал и, убирая в карман пиджака коробочку, с безразличным видом спросил:

– А все-таки как же зовут принцессу?

– Принцесса Тьянтрапа. Его высочество принц Паттана-
дид назвал младшую дочь именем своей невесты, с которой
его когда-то разлучила смерть. Тьянтрапа означает «лунный
свет», а теперь получается «лунатик», – самодовольно пояс-
нил Хисикава.

По дороге во Дворец Роз Хонда из окна машины наблюдал демонстрацию одетых в форму хаки подростков из движения «Ювачионг»; говорили, что оно копирует гитлерюгенд. Хисикава ворчал, что на улицах теперь редко услышишь американский джаз, – таков результат политики крайнего национализма, проводимой премьер-министром Пибунгом.

Но Хонда в Японии уже привык к такого рода изменениям. Вино постепенно превращается в уксус, молоко скисает, так и вещи, на которые долго не обращаешь внимания, достигнув определенного уровня насыщенности, естественным образом меняются. Люди живут, опасаясь долгой свободы и избытка желаний. Свежая голова утром, после того как вчера отказался от выпивки. Гордость от ощущения, что тебе теперь нужна лишь вода... Так человека начинают увлекать новые наслаждения. Хонда приблизительно представлял себе, куда они ведут. Смерть Исао придавала уверенности его предположениям. Уж очень часто чистые помыслы влекут за собой дурные дела.

«Все время на юге. Все время жарко... В сиянии роз южной страны...»

В ушах вдруг прозвучали слова Исао, сказанные в пьяном бреду за три дня до смерти. С тех пор прошло восемь лет, и вот сейчас Хонда спешит во Дворец Роз, чтобы снова встре-

титься с Исао.

Душа его жила предчувствием радости – так ждет благодатного ливня горячая, иссушенная земля. Для Хонды осознать собственные чувства значило осознать себя. В молодости он не раз думал, что его суть составляют тревога, печаль или ясный рассудок, но ни одно из этих состояний не было подлинным. Когда он узнал, что Исао покончил с собой, то сильнее, чем пронзительная боль от сознания тщетности собственных усилий, сердце угнетала какая-то тяжесть, но время шло, и боль сменилась радостным предчувствием новой встречи. Хонда обнаружил, что тогда и сам потерял способность чувствовать. Может быть, оттого, что все его существо растворилось в этой необычной, невиданной в мире радости. Ведь горечь расставания, которой не избежать всему человечеству, обойдет его стороной.

«Все время на юге. Все время жарко... В сиянии роз южной страны...»

...Машина остановилась перед изящными воротами, за которыми расстился газон. Хисикава вышел первым и передал охраннику визитную карточку, отпечатанную на тайском языке.

Хонда наблюдал, как по ту сторону узорчатой железной ограды ровный газон неспешно впитывает горячие лучи солнца, как стриженные под шар кусты с белыми и желтыми цветами бросают на него густую тень.

Хисикава повел Хонду через ворота ко дворцу.

Двухэтажное здание под черепичной крышей, слишком маленькое, чтобы называться дворцом, было окрашено в благородный цвет чайной розы. Желтоватые стены везде, кроме той части, которую затеняли росшие рядом огромные акации, смягчали лучи палящего солнца.

Пока Хонда с Хисикавой шли по дорожке через газон, они не увидели ни единого человека.

Полный чуть ли не животного восторга, такого, какой обычно сопровождается рыком и текущей слюной, Хонда прямо чувствовал на своих ногах когти дикого лесного зверя. Да он и родился только ради мгновений этой радости.

Дворец Роз, казалось, замкнулся в собственных упрямых фантазиях. Это впечатление усиливалось архитектурой здания – компактного, без боковых крыльев, просто коробочки. На первом этаже тянулись большие французские окна, и было непонятно, где же вход; от деревянных панелей с вырезанными на них розами шел вверх орнамент из желтого, зеленого и темно-синего стекла, а между этими полосами были вставлены окошечки со стеклами лилового цвета, выполненные в форме розы с пятью лепестками, уже в стиле Ближнего Востока. Все большие окна, обращенные в сад, были наполовину раскрыты.

На втором этаже над панелью с узором из лилий, словно триптих, распахнутыми оставались только три высоких центральных окна, их украшала резьба – розы.

И стеклянная дверь, к которой поднималась каменная

лестница, по форме была тем же французским окном. Когда Хисикава нажал на звонок, Хонда машинально заглянул в ближайшее окошечко с лиловым стеклом. Внутри стоял густой фиолетовый полумрак морского дна.

Стеклянная дверь открылась, и появилась пожилая женщина. Хонда и Хисикава сняли шляпы. На темном, обрамленном седыми волосами лице с коротким носом появилась свойственная тайцам приветливая улыбка. Но это было всего лишь приветствие, ничего другого эта улыбка не означала.

Хисикава обменялся с женщиной несколькими словами по-тайски. Похоже, каких-либо препятствий для запланированной аудиенции не было.

В вестибюле стояло несколько стульев, но их было недостаточно для того, чтобы считать помещение приемной. Хисикава протянул женщине какой-то сверток, женщина, сложив в знак благодарности ладони, приняла его. Толкнула створки центральной двери и ввела посетителей в просторный зал для аудиенций.

Снаружи стояла предполуденная жара, так что было приятно оказаться в затхлом, пахнущем плесенью, прохладном воздухе этого зала. Им предложили сесть на китайского типа стулья с ножками в форме львиных лап, покрытые золотом и киноварью.

В ожидании принцессы Хонда внимательно рассматривал внутреннее убранство дворца. Кроме тихих звуков бившейся где-то мухи, ничего не было слышно.

Собственно в сам зал окна не выходили. По периметру зала шли арки с колоннами, поддерживавшие второй ярус, перед стоящим в центре тронном спускался сверху массивный тяжелый занавес, над тронном, на уровне второго яруса, висел портрет императора Чулалонгкорна. Коринфские колонны галереи были окрашены в зеленый цвет, каннелюры – золотой краской, а в украшениях капителей традиционный античный мотив из листьев был заменен золотыми розами.

Внутри дворца тоже назойливо повторялся узор из роз. Перила второго яруса – золото в белой рамке – были покрыты резными позолоченными розами. И свисавшая в центре зала с высокого потолка громадная люстра тоже была увита белыми и золотыми розами. И разостланный под ногами алый ковер тоже был в розах.

И только пара огромных слоновых бивней, два белых лика молодого месяца, стоявших на страже по обеим сторонам трона, принадлежали к традиционным тайским украшениям; их чуть пожелтевшая, тщательно отполированная белизна выделялась из окружавшего трон полумрака.

Только отсюда, изнутри, становилось понятным, что через французские окна виден сад перед дворцом. Окна, выходящие на задний двор, были отделены от зала колоннадой; открытые, они оказались на уровне груди. Легкий ветерок, скорее всего, залетал в зал из этих, обращенных к северу окон.

Хонда случайно перевел взгляд в их сторону и вздрогнул, заметив темную тень, опустившуюся на оконную раму.

То был зеленый павлин. Павлин сел на подоконник и вытянул переливавшуюся зеленым золотом шею. Перья на голове, стоящие гордым хохолком, раскрылись подобно изящному вееру.

— Как долго они заставят нас ждать? — прошептал Хонда на ухо Хисикаве, устав от ожидания.

— Так происходит всегда. В этом нет никакого умысла. Заставить ждать — значит повысить свой авторитет, других намерений у них, пожалуй, нет. Вы, наверное, уже поняли, что в этой стране ни в каких делах нельзя спешить.

Рассказывают, что в царствование сына Чулалонгкорна, короля Вачиравууда, король ложился спать на утренней заре и просыпался после обеда; все погрузилось в праздность и лень, день и ночь смешались, даже министры двора прибывали на государственную службу к четырем часам дня, а домой возвращались под утро. Но может быть, в тропиках так и следует делать. Красота здешних людей — это красота тропических фруктов, а фрукты должны зреть в неге, и здесь нет места трудолюбивым фруктам.

Чтобы отделаться от привычного многословия Хисикавы, которого не останавливало даже то, что он вынужден говорить шепотом, Хонда было отстранился, но не смог уклониться от залетавшего, казалось, даже в уши запаха изо рта Хисикавы, хорошо, что тут опять появилась та же пожилая женщина и, сложив ладони, привлекла внимание ожидавших.

У окошка с павлином раздалась сердитые возгласы, – похоже, птицу прогоняли. Хлопая крыльями, павлин убрался с подоконника. В северной галерее Хонда увидел трех пожилых женщин. Они двигались одна за другой, тщательно соблюдая интервал. Принцессу вела за руку та, что шла впереди, девочка играла букетиком жасмина, который несла в другой руке. Когда семилетнюю принцессу Лунный Свет подвели к довольно большому китайскому креслу, поставленному перед бивнем слона, пожилая женщина, встретившая Хонду и Хисикаву, наверное, оттого, что была низкого звания, сразу бросилась на колени и поклонилась, почти коснувшись лбом пола.

Первая женщина, охраняя принцессу, села на стул рядом с ее креслом. Две другие – напротив, на маленькие скамеечки с правой стороны, так что третья из дам оказалась как раз по соседству с Хисикавой. Та, что прежде стояла на коленях, мгновенно исчезла.

Хонда, как его научил Хисикава, поднялся, сделал глубокий поклон и снова опустился на красный с золотом стул. Придворные дамы выглядели лет на семьдесят, и маленькая принцесса рядом с ними казалась не хозяйкой, а скорее подневольной.

Она была одета не в традиционную одежду панунг, а в европейского покроя белую блузку с золотым шитьем и юбку-пасин из тайского ситца²¹, похожую на малайский саронг,

²¹ *Панунг, пасин* – вид традиционной одежды из одного куска материи, закры-

на ногах красные туфельки с золотыми украшениями. Волосы коротко острижены, так, как стригут их только здесь, такую прическу носили отважные девушки из города Кхорат – когда-то, переодевшись мужчинами, они сражались с вторгшейся в страну армией Камбоджи.

Милое, умное личико, в нем совсем не было заметно признаков невменяемости. Большие черные глаза пристально смотрели на Хонду, в тонких, хорошей формы бровях и губах чувствовалась порода, и даже с коротко остриженными волосами она имела внешность ребенка из королевской семьи. Кожа принцессы была смуглой с золотистым отливом.

После приветственного поклона Хонды принцесса, болтая ножками и играя букетиком жасмина, внимательно посмотрела в его сторону, потом прошептала что-то первой придворной даме, и та стала ей за это строго выговаривать.

По знаку Хисикавы Хонда, вынув из кармана лиловую бархатную коробочку с перстнем, передал ее третьей придворной даме, и через руки сначала второй, а затем первой дамы подарок попал наконец к принцессе – на все это потребовалось время, оно словно сгущало жаркий воздух. Первая дама открыла коробочку, так что принцесса была лишена даже этой детской радости – собственными руками поднять крышечку.

Смуглые миниатюрные пальчики равнодушно отбросили букетик, извлекли изумруд, и девочка принялась внима-

тельно его разглядывать. Необычная тишина без проявления эмоций затянулась, и Хонда начал думать, уж не в этом ли проявляется помешательство принцессы. Неожиданно на лице девочки вспыхнула улыбка. Блеснул по-детски неровный ряд белых зубов. Хонда почувствовал облегчение.

Перстень опять был помещен в коробочку и поручен первой придворной даме. Принцесса впервые произнесла что-то ясным рассудительным тоном. Ее слова через губы трех придворных дам, словно зеленая змейка, пробиравшаяся по акации с ветки на ветку, наконец добрались до Хисикавы и в его переводе достигли ушей Хонды. Принцесса сказала: «Спасибо».

Хонда попросил Хисикаву перевести следующее:

– Я раньше уже имел честь выказать уважение членам вашей семьи и теперь, чтобы вашей светлости стала ближе Япония, хотел бы после возвращения домой послать вам в подарок японскую куклу.

На тайском языке из уст Хисикавы фраза прозвучала достаточно компактно, но при передаче от третьей придворной дамы ко второй каждое слово будто удлинилось, слов стало больше, и когда первая придворная дама обратилась к принцессе, это была уже невероятно длинная речь.

Со словами принцессы происходило то же самое: переходя с одних морщинистых черных губ на другие, они доходили до Хонды, полностью лишённые блеска чувств. Создавалось впечатление, что из произнесенного принцессой по до-

роге высосали все живое, детское и заменили какой-то ерундой, пережеванной старческими зубами: «Ее светлость изволили сказать, что с радостью принимают любезное предложение господина Хонды».

И тут случилось непредвиденное.

Воспользовавшись тем, что первая придворная дама отвлеклась, принцесса соскочила с кресла, одним прыжком одолела расстояние почти в два метра и крепко обхватила руками колени Хонды; тот в изумлении поднялся со стула. Принцесса дрожала всем телом и, цепляясь за Хонду, что-то с плачем выкрикивала. Хонда, склонившись, положил обе руки на плечики рыдающей, продолжавшей кричать девочки.

Пожилые дамы не пытались оторвать ее от Хонды, сгрудившись рядом, они смотрели на принцессу и тревожно перешептывались.

– Что она говорит? Скорее переведите! – закричал Хонда стоявшему в растерянности Хисикаве.

Хисикава пронзительным голосом начал переводить:

– Господин Хонда! Господин Хонда! Как я рад, что вижу вас! Я ждал сегодняшней встречи почти восемь лет: я должен извиниться перед вами – вы так много для меня сделали, а я умер, не попрощавшись с вами. Я в обличье принцессы, но на самом деле японец. Предыдущую жизнь я провел в Японии, там моя родина. Господин Хонда, возьмите меня в Японию!

Наконец принцессу вернули на прежнее место, и аудиенция приобрела свой первоначальный торжественный вид, но Хонда, глядя издали на черные волосы принцессы, с плачем прильнувшей к придворной даме, все еще чувствовал у себя на коленях их запах и тепло.

Придворная дама объявила, что принцесса неважно себя чувствует и сегодняшнюю аудиенцию на этом следует прекратить, но Хонда через Хисикаву попросил разрешения задать только два коротких вопроса. Первый звучал так: «Киёаки Мацугаэ и я были на острове в усадьбе Мацугаэ и узнали о приезде настоятельницы храма Гэссюдзи. Я хочу спросить, в каком году и в каком месяце это произошло?»

Принцесса капризно приподняла мокрое от слез лицо, отняв его от колен первой придворной дамы, и, отводя прилипшие к щекам пряди волос, без запинки ответила: «В октябре тысяча девятьсот двенадцатого года».

Хонда был поражен до глубины души: он не был уверен, что в сердце принцессы событие, со времени которого прошла жизнь двух поколений, отпечаталось с такими подробностями, словно то был свиток с тщательно выполненными картинками. Пусть сказанные принцессой слова принадлежали Исао, просившему прощения за неблагодарность, но могла ли она знать подробности событий, которые стояли за этими словами? Да и верные числа принцесса назвала без всяких эмоций, словно выдуманные, потому что не знала подробностей.

Хонда задал второй вопрос: «Когда арестовали Исао Иинуму?»

Принцесса выглядела совсем сонной, но ответила без запинки: «Первого декабря тысяча девятьсот тридцать второго года».

– Пожалуй, уже достаточно. – Первая придворная дама поставила принцессу на ноги, намереваясь увести ее.

Принцесса распрямилась, словно пружина, и, стоя на кресле, что-то пронзительно прокричала, обращаясь к Хонде. Придворная дама, удерживая, принялась выговаривать ей тихим голосом. Но принцесса закричала снова и схватила удерживавшую ее даму за волосы. Было件нятно, что девочка повторяет одно и то же. Подбежали две другие дамы, пытались поймать принцессу за руки, но она билась в истерике, и рыдания эхом отражались от высокого потолка. Из-под рук пожилых женщин, которые успокаивали ее, тянулись смуглые детские ручки, ставшие еще более очаровательными и гибкими, они хватались за все, что можно. Придворные дамы, вскрикивая от боли, отступили.

– В чем дело?

– Послезавтра принцесса едет во дворец Банпаин и хочет, чтобы обязательно пригласили господина Хонду. Придворные дамы ее урезонивают. Интересно, что получится, – ответил Хисикава.

Начались переговоры между принцессой Лунный Свет и придворными дамами. Наконец принцесса кивнула и пере-

стала плакать.

Первая дама, поправляя платье и учащенно дыша, обратилась прямо к Хонде:

– Послезавтра ее светлость повезут на машине во дворец Банпаин, чтобы развлечь. Ее светлость приглашает с собой господина Хонду и господина Хисикаву, прошу вас, примите приглашение. Там будет подан обед, так что в девять утра ждем вас во Дворце Роз.

Это официальное приглашение Хисикава в переводе немедленно передал Хонде.

На обратном пути в машине Хисикава без всякого стеснения продолжал болтать, не обращая внимания на погруженного в мысли Хонду. Полное пренебрежение к чувствам других людей у человека, изображавшего причастность к миру искусства, говорило о нервах, напоминающих стершуюся зубную щетку. Он вполне серьезно считал, что забота о чувствах других – обывательская черта, и гордился тем, что в работе гида часто находил тому подтверждение.

– Это было прекрасно придумано – два ваших вопроса. Я сначала не понял, в чем дело. Принцесса выказала особую приязнь к вам, словно в ней возродился тот, кого вы знали, и вы пытались это проверить. Ведь так?

– Да, – коротко ответил Хонда.

– И на оба вопроса вы получили нужный ответ?

– Нет.

– Значит, на один?

– Нет, к сожалению, оба ответа были неправильными.

Хонда решился солгать; его уверенный тон обманул Хисикаву, и тот громко рассмеялся:

– Вот как? Все не так? А она с таким торжественным видом называла год – ну что ж, ничего не поделаешь. Не смогли убедить вас в возрождении. Но и вы тоже хороши. Решили на такой милой девочке проверить предсказания уличного гадалщика. По большей части в человеческой жизни нет ничего загадочного. Тайна осталась только в искусстве, или, другими словами, только в искусстве тайна может стать необходимой.

Теперь Хонду поразили холодные рассуждения Хисикавы. За окном машины мелькнула пунцовая тень, Хонда перевел взгляд и увидел реку. Между кокосовыми пальмами со стволами огненного цвета на насыпи видны были кроны деревьев с цветами, горевшими ярко-красным пламенем. Ветви буквально охватывал его жар.

Хонда задумался над тем, нельзя ли как-нибудь поехать в Банпаин без Хисикавы.

План не брать с собой в поездку Хисикаву легко удался благодаря тому, что Хисикава всячески подчеркивал свою роль благодетеля: «Не хочется мне ехать с этой помешанной принцессой, но без меня вы наплачетесь. Старухи ни слова не говорят по-английски». Хонда, что было на него не похоже, ответил на это: «Мне надоело без конца слушать перевод, уж лучше я полдня буду наслаждаться, как музыкой, непонятным тайским языком» – и пожелал, чтобы их разговоры на эту тему закончились.

Впоследствии Хонда не раз вспоминал ощущение счастья, которое он испытывал во время той прогулки.

На машине можно было проехать только полпути, потом они пересели на украшенную по-королевски большую лодку и отправились по перетекавшим друг в друга, залитым водой полям и реке; поблескивали заляпанные грязью спины спящих на дамбах меж полями буйволов, временами буйволы просыпались и поднимались на ноги. Когда лодка проплывала мимо небольших храмовых рощиц, принцесса радовалась белочкам, снующим вниз-вверх по деревьям. Иногда с ветки на ветку перепрыгивала, вытягивая головку, маленькая зеленая змейка.

В густых зарослях тут и там возвышались, блистая золотом, башенки над ступами, заново позолоченные на пожерт-

вождения прихожан. Хонда знал, что тончайший золотой лист изготавливается в Японии и в больших количествах импортируется в Таиланд.

Во время этого путешествия по воде запомнилось то, как Лунный Свет, по-детски веселившаяся всю дорогу, вдруг притихла и некоторое время неподвижно сидела у борта, пристально вглядываясь в далекий пейзаж. Придворные дамы, привычные к такому поведению принцессы, не волновались из-за этого и чему-то смеялись, но Хонда сразу обратил внимание на то, во что всматривалась принцесса, и почувствовал, что к этому нельзя отнестись небрежно.

То была огромная туча, стремительно поднимавшаяся с земли и надвигавшаяся на солнце. Солнце стояло уже высоко, и, чтобы поглотить его, нужны были очень длинные щупальца. Черная туча вставала лишь затем, чтобы закрыть солнце. Но это давалось ей с трудом. На границе с ярко-синим небом скрытое тучей солнце рассыпало свои раскаленные добела лучи и словно смеялось над зловещей чернотой. Более того, для тучи задача была явно непосильной: внизу появились разрывы и оттуда безостановочно лился свет. Казалось, из зияющих ран течет поток крови-света.

Вдали земля была покрыта невысокими зарослями. Выделявшийся на заднем плане край джунглей, освещенный прорывавшимися сквозь тучи лучами, светился необычной, словно из другого мира, зеленью. А на дальние заросли из нижнего края тучи изливался дождь – там, казалось, клубит-

ся туман. Полосы дождя тонкой мишурой повисли над темной чащей. Золотые нити дождя, висевшие над зарослями, были ясно видны и напоминали широко раскинутые, вздрагивавшие под порывами ветра крылья. Ливень будто застыл во времени, остановился в том месте.

И тогда Хонда вдруг понял, что же видит эта девочка.

Принцесса одновременно видела пространство и время. Иначе говоря, отсюда то пространство под дождем принадлежит либо будущему, либо прошлому. Поместить себя туда, где ярко светит солнце, и наблюдать оттуда мир под дождем означало возможность оказаться в различных моментах времени, возможность существовать в различных пространствах: грозовая туча давала смещение во времени, отдаленность – смещение в пространстве. Получалось, что глаза принцессы были прикованы к разлому в этом мире.

Тут принцесса высунула влажный розовый язычок (придворная дама, заметь она это, сразу бы сделала замечание) и лизнула изумруд на перстне, который ей преподнес Хонда. Этим маленькая девочка словно утверждала реальность подобного чуда...

Банпаин. Это место на земле осталось в памяти Хонды на всю жизнь.

Принцесса непременно хотела держаться за руку Хонды, и, несмотря на то что придворные дамы недовольно хмурились, Хонда, доверившись принцессе, которая здесь бывала,

так и ходил по радовавшим взор дворцу в китайском стиле, французскому павильону, саду в стиле ренессанс с башенками в арабском духе, чувствуя в своей руке маленькую влажную ладошку.

Особенно красив был храм на воде, находившийся в центре большого искусственного пруда и выглядевший на водной глади изящной поделкой.

По мере подъема уровня воды ведущая к пруду каменная лестница оказывалась в ее власти: нижняя часть лестницы скрывалась в илистом дне, белый мрамор ступеней, видных сквозь воду, окрасила зелень болотного мха, ступени были обвиты водорослями и покрыты тонким серебром пены. Принцессе очень хотелось погрузить туда ногу или руку, и придворная дама несколько раз ее одергивала. Хонда не понимал языка, но, похоже, принцесса принимала пену за жемчуг и топала ногами, желая достать его.

Когда ее удержал от этого Хонда, она сразу послушалась, вместе с ним опустилась на каменную ступень и стала смотреть на плавучий храм.

На самом деле это был не храм, а что-то вроде пристани для короткого отдыха во время лодочных прогулок. Ветер раздувал выцветшие светло-коричневые занавеси, натянутые между стоящими с четырех сторон башенками, и видно было, что занавеси скрывают лишь небольшое помещение, и больше ничего.

Это маленькое помещение окружали бесчисленные тон-

кие колонны, с золотой росписью на черном фоне, а за ними просматривались зелень на другом берегу, вихрящиеся облака и небо, где царил свет. Если долго смотреть, то создавалось впечатление, будто подняли бамбуковую штору и стало в мельчайших подробностях видно, как появляется необычно вытянутый узор и возникают облака и лес того великолепного пейзажа. Крыша маленького помещения при всей ее простоте была просто великолепна: рядами лежала китайская черепица кирпичного, желтого и зеленого цвета, а на коньке крыши синеву неба пронзал сверкавший золотыми лучами шпиль.

Подумал ли он об этом тогда, когда увидел этот дворец-игрушку, или потом, когда вспоминал его, но принцесса Лунный Свет и изящное строение в какой-то момент стали для Хонды неотделимы друг от друга, башенки посреди пруда, навсегда врезавшиеся в память, напоминали вставшую на носочки стройную, увенчанную высокой золотой короной и увешанную роскошными золотыми украшениями танцовщицу с телом цвета эбенового дерева, из которого сделаны эти стройные колонны.

...В том, что происходило, не было ни слов, ни претензий на общность желаний, и события отложились в памяти чередой чудесных картинок одинакового размера, заключенных в рамки с уже утомившим золотым узором. Если живописать красками те мгновения жизни, посмотреть на бурно двигавшиеся частички реального времени, то следовало бы застыть, чтобы возникла моментальная картинка: детская пухлость ручки, тянущейся к жемчужинам, которыми усеяны уходящие в воду каменные ступени, пальчики руки, ладошка с чистыми изящными линиями, сверкающая лаком чернота коротко остриженных, падающих на щеки волос, длинные густые ресницы, блики воды, играющие на смуглом лобике и напоминающие перламутровую инкрустацию на черном дереве. Пенится время, пенится воздух освещенного солнцем сада, наполненного жужжанием пчел, пенятся чувства участников события. И является дух прекрасного, как коралл, времени. Да, в этот момент, как виденные в пути ясная погода и дождь над джунглями, они стали едины – безоблачное счастье детства и стоявшие за ним страдание и кровь прежних существований.

Хонде казалось, что время, в котором он находится, напоминает огромный зал с раздвижными стенами, способными делать его еще больше. Зал слишком велик и необъятен, что-

бы походить на привычное жилое помещение. В зале плотной стеной стоят колонны из черного дерева, а взгляд и голос будто проникают туда, куда человек проникнуть не может. Чудилось: в тени этого пространства, наполненного счастьем детства, совсем как дети, играющие в прятки, хоронятся, затаив дыхание, за той колонной тень Киёаки, а позади той – тень Исао, вершащие круговорот жизни.

Принцесса смеялась. Хотя во время прогулки она смеялась почти непрерывно, иногда у нее на мгновение приоткрывалась полоска розовых влажных десен – тогда смех был настоящим. Смеясь, принцесса обязательно оборачивалась лицом к Хонде.

Когда они приехали в Банпаин, пожилые дамы вдруг оставили церемонии и, забыв о строгом этикете, тоже стали громко смеяться. Формальности были отброшены, поведение дам определял лишь возраст. Они жевали бетелевые орешки, как морщинистый грязный попугай, который клювом достает их из мешка, чесали, приподнимая подол, зудевшие места, с шумным весельем подражали вихляющей походке танцовщиц. Седые, напоминающие парик волосы, обрамлявшие смуглые лица, горели в лучах солнца, старухи, похожие на мумии танцовщиц, распахнув в смехе красный от бетеля рот, показывали, как в танце резко сгибается в локте вытянутая в сторону рука, и тогда острый угол, составленный из их сухих костей, казалось, отрывал кусочек от картины, на которой было изображено ослепительно-голубое небо с кучевы-

ми облаками.

Принцесса что-то сказала, и придворные дамы вдруг разразились криками, завихрились вокруг нее, оттеснили Хонду куда-то в сторону, чем привели его в замешательство, но, увидев маленький домик, куда они направились, Хонда все понял. Принцесса захотела в туалет.

Принцессе нужно в туалет! Это было так трогательно. Если бы у Хонды, не имевшего детей, была маленькая дочь, такое тоже, наверное, случилось бы, и он впервые ощутил, как мило может выглядеть физиологическая потребность вроде этого неожиданного позыва. Хонда даже подумал, что, будь это возможно, он сам бы подержал принцессу над горшком за мягкие смуглые ножки.

Вернувшись, принцесса некоторое время выглядела смущенной, мало говорила и старалась не смотреть на Хонду.

После обеда играли в тени деревьев.

Хонда не помнил, что это были за игры. Повторялись незатейливые песенки, но смысла их он не понимал.

В памяти сохранилось, как принцесса стоит посреди лужайки, затененной с четырех сторон деревьями, но лучи солнца, пробивающиеся сквозь листву, довольно сильны, вокруг принцессы сидят в свободных позах, согнув в коленях или скрестив ноги, придворные дамы. Одна, делая вид, что принимает участие в какой-то привычной игре, попыхивает папироской, свернутой из листа лотоса. А другая поставила лаковый, инкрустированный перламутром кувшин с водой

на случай, если принцессе вдруг захочется пить, рядом со своими коленями прямо на землю.

Наверное, игры имели какое-то отношение к «Рамаяне». Принцесса с веткой, которой она, смешно выгнув спину, размахивала, как мечом, определенно напоминала Ханумана. Каждый раз, когда пожилые женщины, хлопая в ладоши, затягивали какую-нибудь мелодию, принцесса выглядела по-иному. Вот она опустила головку, тут же склонилась трава под пробежавшим над ней легким ветерком, и девочка стала похожа на белочку, которая вдруг застыла, перебираясь с ветки на ветку. Еще изменение, и принцесса превратилась в царя Раму. Тонкая смуглая ручка, тянувшаяся из рукава белой с золотым шитьем блузы, грозно поднимала к небу меч. Прямо перед принцессой, так что тень от крыльев легла на лицо, пролетел дикий голубь, но принцесса даже не шелохнулась. Позади нее возвышалось дерево, Хонда точно знал, что это липа. Крупные, свисавшие с веток пышной кроны листья звонко шелестели на ветру. И на каждом зеленом листе, словно оставленные лучами тропического солнца, выделялись желтые прожилки...

Принцессе стало жарко. Она что-то капризно потребовала. Пожилые дамы начали совещаться. Вскоре они поднялись и сделали знак Хонде. Вся компания двинулась из леса. Когда дошли до места стоянки лодки, Хонда решил, что они возвращаются домой, но ошибся. Капитан этого небольшого корабля, получив приказ, достал из лодки огромный кусок

чудесного ситца.

С ситцем отправились по берегу туда, где змеились воздушные корни мангрового дерева, выбрали укромное место. Две женщины, завернув подол, вошли с материей в воду и развернули ее там, где глубина была по пояс, — сделали занавес, скрывавший происходящее от взглядов с противоположного берега. Третья дама, тоже подтянув подол, разбивая худыми старческими бедрами отражение на воде, последовала за голенькой принцессой.

Принцесса радостно вскрикнула, увидав рыбок, собравшихся у корней дерева. Хонда подивился тому, что придворные дамы ведут себя так, словно его тут нет, и, решив, что это тоже своего рода этикет, опустился на землю у дерева и стал спокойно наблюдать за купавшейся девочкой.

Принцесса вела себя как все дети. Сквозь ткань проникали лучи солнца, девочка непрерывно смеялась, оглядываясь на Хонду, ее по-детски выступавший животик не был ничем прикрыт, она брызгалась и, когда ее ругали, убегала, взбивая вокруг себя пену. Вода была непрозрачной, того же цвета, что и кожа принцессы, — коричнево-желтая, но когда на брызги тяжелой, мутной речной воды падал солнечный свет, струившийся сквозь ситец, она разлеталась прозрачными каплями.

Вот принцесса подняла ручки. Хонда невольно бросил взгляд на обычно скрытое под рукой место с левой стороны маленькой, плоской груди. Трех родинок, которые он ожи-

дал увидеть, там не оказалось. Может, они сливаются с темным цветом кожи? Сейчас Хонде представился случай, и он напряженно всматривался, всматривался до боли в глазах...

Судебное дело по иску, которым занимался Хонда, неожиданно счастливым образом разрешилось – противная сторона, признав уязвимость своей позиции, внезапно отозвала из суда иск. Хонда мог возвращаться в Японию, но компания «Ицуи» объявила, что в знак благодарности дарит ему путешествие в ту страну, которую он желал бы посетить. Уже заметны были признаки надвигавшейся войны, и сейчас, похоже, ему представлялся последний шанс совершить эту поездку, тем более что компания обещала всемерную помощь со стороны своих филиалов, расположенных в самых разных местах. Хонда надеялся, что эта помощь не будет похожей на помощь Хисикавы.

Сообщив домой, Хонда предвкушал удовольствие от составления плана путешествия, который бы согласовывался с расписанием индийских поездов, двигавшихся со скоростью двадцать пять – двадцать шесть километров в час. Разложив карту, Хонда обнаружил, что места, где он хотел побывать, – пещеры Аджанты и расположенный на берегу Ганга Бенарес – находятся друг от друга на таком расстоянии, которое невозможно себе представить. Но оба этих места, хотя Хонда их и не знал, с непонятной силой влекли его к себе.

Мысль отправиться перед путешествием к принцессе была отброшена, когда он с досадой подумал, что придет-

ся просить Хисикаву переводить. А потому, поглощенный предотъездными хлопотами, он просто отправил во Дворец Роз посыльного с письмом на бланке отеля, где благодарил за совместную прогулку.

Путешествие Хонды по Индии было необычайно волнующим: достаточно рассказать о неизгладимом впечатлении, которое произвело на него посещение пещер Аджанты, и о потрясшем до глубины души Бенаресе. В этих местах Хонда увидел нечто значительное, жизненно чрезвычайно важное.

В соответствии с планом Хонда должен был по морю при-
быть в Калькутту, оттуда до находившегося на расстоянии
трехсот пятидесяти миль Бенареса целый день ехать поез-
дом, из Бенареса на машине добраться до Мугхал-Сарая, за-
тем совершить двухдневное путешествие на поезде до Ман-
мада, а уж оттуда на машине ехать в Аджанту.

В Калькутте было шумно, здесь как раз проходил празд-
ник Дурги, который отмечают раз в году.

Среди сонма богов индуизма самой популярной богиней,
во всяком случае наиболее почитаемой здесь, в Бенгалии и
Ассаме, была богиня Кали, так же как и ее супруг, грозный
Шива, имевшая множество имен и множество воплощений;
одно из них – богиня Дурга, которая не была такой крово-
жадной, как Кали. Город повсюду украшали огромные кук-
лы, изображавшие богиню. Ночью в слепящем свете огня над
городом всплывала храбрая Дурга с гневно нахмуренными
бровями, усмирявшая божественного буйвола и принимав-
шая людское поклонение.

Калькутта, благодаря тому что здесь находился храм Ка-
лигхат, была центром почитания Кали, поэтому в эти празд-
ничные дни храм процветал, как никогда. Хонда сразу же
попросил дать ему для сопровождения индуса и отправился
к храму.

Основная ипостась Кали – Шакти, что означает «энергия». Всемогушественная богиня-мать земли по-разному представлена в разных уголках мира: это и возвышенный образ матери, и чарующий образ женщины, и некий свирепый образ, на который нельзя смотреть без содрогания, – все они приумножают божественность образа. Кали олицетворяет смерть и разрушение, которые и составляют сущность Шакти, она воплощает болезни и стихийные бедствия, те природные силы, которые несут смерть и уничтожают все живое. У нее черное тело, красный, окрашенный кровью рот с торчащими клыками, на шее ожерелье из черепов – в таком виде она исполняет безумный танец на теле поверженного супруга. Богиня алчет крови и, чтобы утолить свою жажду, вызывает эпидемии и стихийные бедствия, умиловать ее могут только постоянные жертвоприношения. Говорят, что принесенный в жертву тигр утолит жажду богини на сто лет, принесенный в жертву человек – на тысячу лет.

Хонда прибыл в Калигхат во второй половине дня; было душно, шел дождь.

Перед воротами шумела толпа, громко просили милостыню нищие. Сама территория была небольшой, главный храм набит людьми, пространство вокруг высокого святилища на мраморном фундаменте плотно заполнено народом. Сияющую белизну мокрого от дождя мраморного цоколя испещряли следы ног – некоторые из поклонявшихся пытались вскарабкаться наверх – и следы от красных точек на

лбах, оставленные верующими, прикасавшимися к основанию святилища лбами. Гомон был чуть ли не святотатственным, но опьяненная толпа не затихала.

Монах протягивал из помещения храма длинную темную руку и киноварью ставил на лоб тем, кто жертвовал деньги, пятнышко благословения и счастья. Люди из толпы давились, желая получить этот знак: вот женщина – промокшее от дождя сари плотно облепило ее тело, четко обозначив все выпуклости спины, вот мужчина – белая рубаша оттеняет складки на его темной шее, – все тянутся к черному пальцу монаха, помечающему лоб киноварью, пританцовывают, преисполнены обожания; их движения, их экстаз напомнили Хонде толпу с картины «Святой Рох, раздающий милостыню» кисти художника Аннибале Карраччи, представителя болонской школы живописи. И тут же в глубине темного даже днем храма сверкает скульптура богини Кали с высунутым красным языком, на шее – ожерелье из человеческих черепов.

Следуя за своим проводником, Хонда обошел храм и очутился с обратной стороны здания. Здесь, в уголке мощного выщербленным камнем небольшого двора, поливаемого дождем, людей было поменьше. Пара колонн-столбов, словно отмечавших низкий узкий вход, под ними порог, а дальше – углубление в камне и огороженное, будто для стирки, место. А рядом точно такое же сооружение, только поменьше. Его столбы поливал дождь, и под ударами дождя кровь

из лужи, стоявшей за порогом, разлеталась по двору. Сопровождавший Хонду индус объяснил, что сооружение побольше – жертвенник, где приносят в дар богине буйвола; сейчас им не пользуются. В другом – приносят в жертву козла и ради такого важного праздника, как сегодня, могут зарезать до четырехсот животных.

Отсюда, с обратной стороны здания, стало видно (раньше подробно рассмотреть это мешала толпа), что чистый белый мрамор – это только фундамент храма, а центральная башня и храмовые помещения вокруг нее украшены многоцветной мозаикой, напоминавшей об украшениях храма Утренней Зари в Бангкоке. Промытые дождем тончайшие цветочные узоры и орнаменты из павлинов своими переливающимися красками равнодушно взирали на потоки крови вниз.

Дождь закапал реже, крупными каплями, а воздух, которому он мешал двигаться, наоборот, сгустился туманом, стал душным.

Хонда заметил, как к малому жертвеннику подошла женщина без зонта, почтительно опустила на колени. Полная, пожилая, лицо ее выражало мудрость и доброту. Сари цвета травы промокло насквозь. В руке она держала латунный чайничек со священной водой из Ганга.

Женщина поднялась, полила этой водой колонны, зажгла огонь в лампаде, заправленной жиром, горящим под дождем, разбросала вокруг небольшие алые цветы. Потом снова опустилась на колени прямо на забрызганные кровью камни дво-

ра и, прижавшись лбом к колонне, начала горячо молиться. Казалось, что красный знак благословения – яркая точка меж прилипших от дождя ко лбу волос – это приносимая в жертву ее собственная кровь.

Хонда был потрясен, он испытывал нечто похожее на восхищение, смешанное с отвращением.

Он воспринимал происходившее как в тумане, и только фигура молившейся женщины выступала ясно и отчетливо. До боли отчетливо. Когда ему показалось, что от яркости всех деталей он уже не в силах сдерживать отвращение, женская фигура неожиданно исчезла. Хонда уже решил, что она ему померещилась, но это было не так. Спина уходящей женщины виднелась в распахнутых воротах с грубыми украшениями из железа. Но между молившейся женщиной и удалявшейся фигурой не было абсолютно никакой связи.

Ребенок привел козленка. На лбу животного, где шерсть от дождя распушилась, виднелась красная точка. На козленка полили священной водой, он затряс головой и забрыкал задними ножками, пытаясь бежать.

Появился усатый молодой мужчина в грязной рубаше и принял из детских рук козленка. Его руки обхватили животное за шею. Козленок душераздирающе заблеял, изгибаясь всем телом. Мокрая черная шерсть на задку свалялась. Мужчина подтащил животное к жертвеннику и привязал черными ремнями между двумя столбиками, низко пригнув ему голову. Козленок брыкался, блеял и бил ногами. Мужчина

поднял ритуальный нож в виде полумесяца. Под дождем нож блестел серебром. Он опустил туда, куда нужно: голова козленка покатила вперед — глаза открыты, изо рта вывалился белый язык. Тело осталось по эту сторону колонн, передние ноги мелко подрагивали, а задние несколько раз конвульсивно содрогнулись, это же движение прокатилось несколько раз от колен к груди, становясь с каждым разом слабее. Вытекшей из шеи крови оказалось не так уж много.

Совершавший жертвоприношение мужчина схватил оставшуюся без головы тушу за задние ноги и устремился за ворота. Там стоял столб. Повесив на него тушу, он спешно стал ее разделывать. Внизу под ногами, поливаемая дождем, лежала другая козлиная туша, задние ноги еще подрагивали. Совсем как в кошмарном сне... Казалось, беспробудный, дурной сон все еще длится.

Мужчина, ловко орудуя ножом, старательно выполнял все бесчувственные формальности, связанные с его священной и отвратительной работой. Грязная, в пятнах крови рубашка, сосредоточенность в больших, глубоких и ясных глазах, крупные крестьянские руки — священное выступало из всего этого очень обыденно, словно капли пота. Собравшиеся на праздник не обращали на молодого человека никакого внимания. У них священное пряталось где-то глубоко внутри, там, за грязными руками и ногами.

А что же голова жертвы? Ею украсили отведенное для подношений достаточно скромное место во дворе. Рядом с

местом почитания брахманов, где в горящий даже под дождем открытый очаг бросали красные цветы и огонь обжигал их лепестки, лежали обрубок шеи вперед семь или восемь черных козлиных голов, и эти шеи казались красными цветами, здесь же была и голова только что блевавшего козленка. А за этими головами старуха, низко согнувшись, будто работая иглой, темными пальцами сосредоточенно вытаскивала влажно поблескивающие на фоне шерсти сверкающие внутренности.

По пути в Бенарес Хонда неоднократно возвращался мыслями к сцене жертвоприношения. Она показалась ему скромной. Сама церемония была не то чтобы короткой, она казалась скорее мостиком, перекинутым к чему-то невидимому, более священному, более зловещему, более возвышенному. Совершенные ритуалы были похожи на струящееся алое полотно, расстеленное на дороге в ожидании неопределимо значительного лица.

Бенарес – наисвященнейшее место среди священных, Иерусалим для приверженцев индуизма. Этот город (его старое название Варанаси) расположен на западном берегу Ганга, там, где он, питаемый талыми водами снежных Гималаев – обители бога Шивы, – изгибается, принимая изысканную форму только что народившейся луны. Бенарес был посвящен супругу богини Кали – Шиве и считался главными воротами в рай. Сюда устремлялись паломники со всей страны: ведь если окунуться в воду здесь, в том месте, где, как полагают, сливаются пять священных рек – Ганг, Дутапапа, Кируна, Ямуна и Сарасвати, то обретишь в загробной жизни наивысшее блаженство.

В священных Ведах о благодати омовения написано немало строк: «Вода – вот истинное лекарство. Вода смывает телесные недуги, наполняет жизненной силой. И если вода –

лекарство от всех болезней, она должна исцелить от всех хворей, от всех невзгод». Или: «Вода приносит бессмертие. Вода спасает тело. В воде – чудо исцеления. Великая сила воды дает забвение. Вода врачует тело и душу». Индуистские церемонии, когда молитвой очищают душу, а водой – тело, были здесь, в Бенаресе, где совершались многолюдные омовения, просто грандиозны.

Хонда приехал в Бенарес во второй половине дня, распаковал в гостинице вещи, принял душ и сразу попросил предоставить ему сопровождающего. Он не отдохнул после долгого пути на поезде, и тем не менее удивительный душевный подъем приводил его в состояние какой-то радостной тревоги. Город за окном был наполнен послеполуденным зноем. Казалось, стоит окунуться туда, и ты тотчас же познаешь тайну.

Бенарес был городом в высшей степени священным и в такой же степени грязным. По обеим сторонам узкой улочки, куда едва проникало солнце, тянулись мелкие лавки, в которых жарили и продавали еду или сладости, дома гадалей, лавки, где торговали мукой вразвес; в воздухе висели смрад, сырость, зараза. Улочка выводила на вымощенную камнем, обращенную к реке площадь, вокруг площади на коленях стояли прокаженные – они съезжались со всей страны, совершая паломничество, и в ожидании смерти просили здесь милостыню. Множество ворон. Раскаленное в пять часов пополудни небо. Прокаженный с красной раной на ме-

сте одного глаза — ко дну его оловянной миски для подаяния прилипло всего несколько медных монет — протягивал к небу похожие на ветви остриженной шелковицы беспальные руки.

Тут прыгали карлики, имевшие самые разные увечья. Их уродливые тела напоминали непонятные древние письмена. Казалось, не гниющие раны и язвы, а искривленные, перекрученные формы тела, сохранив свежесть и жар прежней плоти, испускают внушающую отвращение святость. Полчища мух, как цветочную пыльцу, разносили кровь и гной. Мухи все были жирными и сверкали зеленым золотом.

На спуске к реке с правой стороны был натянут занавес с ярким священным узором, и рядом с людьми, слушавшими, как монах читает молитву, лежал завернутый в полотно покойник.

Все, казалось, парило над землей. Самые откровенные, самые безобразные стороны существования человеческого тела, его отправления, зловоние, бациллы, трупный яд — все было выставлено на яркий свет и, как испарения реальности, плавало в воздухе Бенареса. То был великолепный в своем безобразии ковер. Тысяча пятьсот храмов и монастырей, храм любви, где на ярко-красных колоннах вырезаны, оттененные черной краской, различные позы полового акта, жилища вдов, упорно ждущих смерти, проводивших целые дни за чтением молитв, их высокие голоса, жители, взрослые, умирающие и мертвые, дети, покрытые струпьями, и дети, умершие у груди матери... Шумный, сотканный из людей и

храмов ковер, радостно парящий в воздухе.

Площадь имела уклон в сторону реки, и каждый, кто проходил через нее, естественным образом попадал на самое главное место для омовений – лестницу «жертвы в десять лошадей», жертвы, совершенной, по преданию, творцом вселенной Брахмой.

А внизу тек Ганг – полноводная, темно-желтого цвета река. Сейчас перед глазами Хонды была огромная масса священной воды, которой, благоговейно набранной в латунные чайнички, в Калькутте окропляли лбы верующих и приносимых в жертву животных. Здесь было просто пиршество священного.

Ликование в равной степени переполняло тут и больных, и здоровых, и калек. Тут жирели мухи и черви, а свойственное индусам торжественное, значительное выражение лица было почти безжалостным и исполненным подлинного, не показного благочестия.

Хонда не знал, сможет ли его рационализм слиться с этим нестерпимо палящим даже на закате солнцем, с этим смрадом, с этим речным ветром, несущим миазмы. Он сомневался, сможет ли погрузиться в этот горячий вечерний воздух, напоминавший шерстяную ткань, в которую искусно вплелись доносившиеся отовсюду молитвенные напевы, звон колокольчиков, голоса нищих, стоны больных. Хонда порой пугался: а вдруг его рационализм, подобно спрятанному за пазухой кинжалу, распорет эту безупречную ткань?

Главное – отбросить доводы разума. Столкнувшись с чудом переселения души, Хонда с трудом сохранял трезвость рассудка, которому, как считал с юных лет, необходимо следовать, – то и был его кинжал с зазубринами, и сейчас ему не оставалось ничего другого, как отказаться от своего рационализма и идти в гущу этого потного, грязного, заразного людского сброда.

На спускавшихся к воде лестницах – гатах, – словно грибы, торчали бесчисленные зонтики, под которыми обычно отдыхают те, кто совершает омовение, но до восхода солнца – лучшего времени для обряда – было далеко, и под зонтиками, дававшими мало тени, почти никого не было. Провожатый Хонды спустился к воде и начал переговоры с лодочником. В течение этих бесконечно долгих переговоров Хонда стоял, ожидая, рядом, и спину его раскаленным утюгом обжигало заходящее солнце.

Лодка, принявшая на борт Хонду и его спутника, наконец отвалила от берега. Гат «жертвы в десять лошадей» был почти центральным среди многочисленных лестниц западного берега Ганга. Для осмотра гатов лодка направилась сначала на юг, а потом на север.

Если западный берег Ганга был полон святости, то восточный был абсолютно ее лишен, да еще считалось, что поселиться там – значит в следующей жизни родиться ослом, так что восточного берега Ганга избегали, и среди зелени низких зарослей не было ни единого домика.

Когда лодка начала двигаться в южном направлении, дорогу жгучим лучам заходящего солнца неожиданно преградили здания, и теперь яркий свет лился на лестницы и на ряд больших колонн, образующих как бы заднюю стену, и на внушительные строения, которые словно опирались на эти колонны. За одной из лестниц простиралась площадь – это позволило солнцу снова показать свою силу. В реке мягким розовым цветом отражалось вечернее небо. Паруса проходивших мимо судов бросали на воду легкую тень.

Этот час перед сумерками был до краев наполнен волшебным светом. Этот невообразимо яркий свет выделял контуры предметов, обрисовывал каждую из ворон, придавал всему блеклый желто-розовый оттенок, сохранял тоскливую гармонию между еще освещенным небом и его отражением в реке и вызывал тем самым ощущение, будто перед глазами у вас тщательно выполненная гравюра.

Яркий свет – это было то, что нужно для торжественных гатов. Лестницы, приличаствующие дворцу или огромному храму, спускались прямо в воду, в их верхней части возвышалась только задняя стена: пусть там были ряды колонн и купол, колонны представляли собой пилястры, а арки отмечали глухие окна, поэтому только лестница сообщала сооружению священное величие. В украшении глав колонн были представлены коринфский, ближневосточный или смешанно-европейский стили, а на высоте в двенадцать метров белая линия отмечала наивысший уровень, какого достигала

вода при ежегодных летних половодьях, — здесь были указаны даты: 1928 год, 1936 год. На головокружительной высоте переходы между помещениями, где жили люди, образовали по верху задней стены цепь арок, и там, на каменных перилах, сидели в ряд вороны. Косые лучи заходящего солнца, постепенно терявшие силу, заставляли сверкать верхушки крыш.

Лодка стала приближаться к одному из гатов. Рядом сетью ловили рыбу, на лестнице было свободно: черные, худые люди, стоявшие в реке или на ступенях, были погружены в молитву или глубокое размышление. Взгляд Хонды привлекла фигура человека, спускавшегося по огромной лестнице, чтобы совершить омовение. За его спиной высилась величественная колоннада охряного цвета, украшения колонн в терявших силу лучах смотрелись особенно рельефно. Человек казался воплощением святости, рядом с черными фигурами потупивших бритые головы монахов он выглядел неземным существом. Этот высокого роста, внушительного вида старец был озарен розовым светом. Его седые волосы были собраны на темени в небольшой пучок, на мощном, хотя и чуть увядшем теле был только кусок пунцовой ткани, обернутый вокруг талии; старик придерживал повязку левой рукой. Отрешенный взгляд, не замечавший окружающих, был устремлен к небу над противоположным берегом. Правая рука в порыве обожания протянута к небесам. Здоровый, в вечернем свете персиковый цвет кожи на лице, груди, животе указывал

на благородство происхождения, выделял его из толпы. Темная старческая кожа, выдававшая настоящий возраст, слезала, оставшись пятнами, родинками или полосами на руках, на внутренней стороне бедер. И оттого сияющая персиковая кожа выглядела еще божественнее. Старик был болен проказой.

* * *

В воздух вдруг поднялась стая ворон. Видно, испуг одной птицы мгновенно передался всем, и, когда лодка снова начала двигаться на север, в глазах у Хонды буквально потемнело от огромного количества ворон, с шумом взлетевших из гущи листьев. Говорят, что на листьях лип, протянувших к реке сквозь щели в гатах свои ветви, в течение десяти дней траура ждут своего нового рождения души умерших.

Лодка уже миновала гат «жертвы в десять лошадей» и плыла мимо стоявших вдоль реки домов из красного песчаника, окна которых украшала бело-зеленая мозаика, а стены комнат были окрашены в зеленый цвет «вдовьих домов». Из окон струился дым благовоний, доносился звон колокольчика и голоса, поющие хором, — эхо, отражаясь от неба, возвращалось к реке. Там, истово ожидая смерти, жили вдовы, съехавшиеся со всех концов страны. Люди, измученные болезнью и почитавшие за великое счастье провести время в ожидании спасительной смерти здесь, в Бенаресе, приживались в

таких «домах радостной молитвы» – *Mumukshu Bhavan*. Ведь здесь все было рядом. Место сожжения – тут же севернее. А прямо над ним золотая остроконечная башня непальского храма любви, где обожествлены тысячи любовных поз.

Глаза Хонды остановились на свертке из материи, который, то всплывая, то погружаясь, плыл рядом с лодкой. Он обратил внимание на то, что формой и размерами этот сверток напоминал ребенка двух или трех лет, и вдруг понял, что это действительно мертвое тельце ребенка.

Машинально он посмотрел на часы. Было без двадцати шесть. Все вокруг постепенно пропитывалось сумерками. И в этот момент Хонда увидел в том месте, куда они направлялись, яркий огонь. Огонь погребального костра на гате.

Гат был обращен к Гангу: на основании, типичном для индуистского храма, возвышались пять ярусов разной ширины. Большую центральную башню храма окружали стоявшие отдельно высокие и низкие башенки, на каждой из них в мусульманском стиле был сделан балкон с арками, напоминавшими лепестки лотоса; огромное, желто-коричневого цвета храмовое здание закоптил дым, оно поднималось над высокой колоннадой, и внушительное, мрачное, необитаемого вида сооружение, окутанное дымом, казалось зловещим призраком, парящим в небе. Но между лодкой и гатом еще оставалось пространство бурой воды. По темной в сумерках поверхности плыли в огромном количестве, превращаясь в мусор, цветы, принесенные в дар богам (были здесь

и алые цветы, которые Хонда видел в Калькутте), ароматические палочки, и в воде ярко горело отражение погребального костра.

Разбрасывал высоко в небо искры огонь, шумели рассеявшиеся на башнях вороны. Небо было темно-синего с пепельным налетом цвета.

Близко к воде на гате стоял небольшой храм, камень его стен покрывала сажа; здесь возлагали цветы к стоящим рядом скульптурам бога Шивы и одной из его жен – Сати, той, что, не снеся оскорбления, нанесенного мужу, бросилась в костер.

Рядом с лодкой, на которой плыл Хонда, толпились, приставая к берегу, лодки и баркасы, груженные бревнами и досками для погребального костра, поэтому их лодка не стала приближаться к центру гата. Теперь там, за охваченными ярким пламенем дровами костра, проглядывал скромный огонек, горевший в глубине храмовой колоннады. То был священный вечный огонь, от которого зажигали каждый погребальный костер.

Ветер с реки пах смертью, воздух наполнял удушливый жар. Так же как и повсюду в Бенаресе, из этого гата вместо благоговейной тишины доносились кажущиеся вполне естественными крики, шум постоянного людского движения, зовущие голоса, детский смех, звуки молитвы. Здесь были не только люди. За детьми бегали худые собаки, а в дальнем от огня углу из воды, куда уходили ступени лестницы, неожи-

данно одна за другой стали появляться мощные гладкие спины купавшихся буйволов, которых подгоняли погонщики. Когда буйволы, пошатываясь, взбирались по лестнице, их черная мокрая шкура, как зеркало, отражала пламя погребального костра.

Пламя порой окутывалось белым дымом, в котором сверкали языки огня. Дым поднимался до балконов здания и как живой вползал внутрь храма.

На гате Маникала кремация проходила под открытым небом, это место официально считалось в Индии местом высшего очищения. При этом вещи, которые в Бенаресе считались чистыми и священными, вызывали одновременно жуткое, до рвоты, отвращение. Наверное, такова была их судьба в нашем мире.

К ступеням пологой лестницы рядом с храмом Шивы и Сати было прислонено обернутое в красное полотно мертвое тело: после погружения в воды Ганга оно ждало своей очереди на погребальный костер. Красный цвет материи, которая, окутывая мертвое тело, делала его похожим на куклу, означал, что почивший – женщина. Белый цвет указывал на мужчину. Пока покойницу укладывали на груду дров и зажигали костер, родственники, которым оставалось бросить в костер масло и благовония, вместе с обритым наголо монахом ждали под навесом. На бамбуковых носилках опять прибывает тело, на этот раз завернутое в белое полотно и охраняемое хором голосов – это родственники и монах вместе нараспев

читают молитвы. Под ногами, играя, гоняются друг за другом черные собаки и дети. Как это можно наблюдать в любом из городов Индии, с похоронной процессией смешиваются полные энергии, живые люди.

Было шесть часов вечера. Пламя вдруг поднялось сразу в нескольких местах. Весь дым относило в сторону храма, поэтому Хонда не ощущал специфического запаха горящего мяса. Ему просто все было видно.

Подальше в правой части гата находилось место, где собирали пепел сожженных, чтобы поручить его речной воде. Индивидуальность, которую прочно защищала плоть, здесь исчезала, весь пепел смешивался, растворялся в водах священного Ганга и возвращался стихии воды, земли, ветра, огня и воздуха. Нижнюю часть собранной кучи пепла уже невозможно было отличить от сырой почвы. Последователи индуизма не делают могил. Хонда неожиданно вспомнил, какой трепет охватил его, когда, посетив могилу Киёаки на кладбище Аояма, он вдруг почувствовал уверенность, что под могильным камнем Киёаки нет.

Тела одно за другим предавали огню. Было видно, как сгорали опутывавшие их веревки, обугливаясь, исчезал красный или белый саван, и вдруг приподнималась черная рука, мертвое тело выгибалось в огне, словно ворочаясь в постели. Тело покрылось черным пеплом, который остался от сожженных ранее тел. Что-то шипело, будто из кастрюли убежало варено. Черепа горели плохо. Взад и вперед ходили слу-

жители, вооруженные бамбуковыми шестами: они разбивали ими закопченные черепа – все, что осталось от сгоревших дотла тел. Мускулы на черных руках играли в свете пламени, звуки сильных ударов эхом отражались от стен храма.

Замедленность процедуры очищения для возвращения в стихии и, наоборот, ненужное выдерживание того, что было некогда человеческим телом... огонь вспыхивал красным, в нем что-то поблескивало, вместе с искрами в воздухе кружились черные хлопья, над пламенем непрерывно сверкало, словно там происходило зарождение чего-то. Вдруг с грохотом обрушивалась груда дров, огонь немного угасал, а когда слугитель раздувал его снова, случалось, что пламя поднималось на такую огромную высоту, что почти лизало балконы храма.

Здесь не было печали. Было ликование, которое могло показаться бессердечным. И дело было не только в вере в то, что почивший возродится в новой жизни, просто все воспринималось как привычно повторяющееся природное явление, подобное тому, как вода на полях порождает рис, а фруктовые деревья дают плоды. Для того чтобы собрать урожай или обработать землю, нужны рабочие руки, так и здесь: природе нужна была помощь, и люди рождались, можно сказать, затем, чтобы помочь природе.

Все в этой кажущейся черствости было связано с потаенным, устрашающим экстазом!

Хонда остерегался разделить этот восторг. Он чувствовал,

что, увидев собственными глазами апогей, больше уже не сможет исцелиться. Его зрение поразит проказа – священная болезнь, которой болен весь Бенарес.

Однако он только потом, в следующее мгновение, осознал, что увидел нечто сверхъестественное. Душу словно омыло кристально чистой водой – это в его сторону обернулась священная корова. Одна из священных белых коров, которым повсюду в Индии разрешалось вести себя, как им вздумается, бродила рядом с местом кремации. Корову, которая без боязни подходила прямо к костру, служитель вскоре прогнал бамбуковым шестом, и она остановилась перед темной колоннадой храма по ту сторону пламени. В глубине колоннады стоял мрак, поэтому белизна священного животного казалась божественной, исполненной великого разума. Белый бок, на котором играли блики пламени, напоминал облитый светом луны снег на вершине Гималаев. Высокое соединение в диком животном холодного снега и торжествующей плоти. Пламя костра поглощало дым, потом дым окутывал пламя, огонь порой гордо выбрасывал вверх красные языки, а порой скрывался в клубках дыма.

Тогда это и произошло. Священная корова, видная сквозь дым костра, в котором сжигали останки, чуть повернула в сторону людей свою величавую белую голову. Определенно, она обернулась к Хонде.

В тот вечер Хонда после ужина, сказав, чтобы его разбудили на следующий день до рассвета, лег в постель и уснул только благодаря выпитому на ночь саке.

Во сне ему являлись разные события. Пальцы, касаясь незнакомых клавиш, извлекали из них какие-то звуки, и он, как инженер, осматривал известные ему уголки вселенной. То неожиданно представала священная гора Мива, раскиданные в беспорядке на вершине камни Скальной обители, из трещин скал сочится кровь, то возникала фигура богини Кали со свисавшим изо рта красным языком. Сожженный мертвец воскресал в облике прекрасного юноши, его волосы и талия были обернуты чистыми, блестящими листьями священного дерева сакаки, отвратительный пейзаж вокруг здешнего храма вдруг сменялся пространством, засыпанным прохладным гравием. Все идеи, все боги, объединив усилия, крутили ручку огромного колеса, в котором вращались человеческие жизни. Это колесо, похожее на завихрения космических туманностей, спокойно крутилось вместе с сидевшими на нем людьми, которые радуются, сердятся, печалются, веселятся, не ощущая круговорота жизни, точно так же как, день за днем живя на земле, не ощущают ее вращения. Огромное, расцвеченное огнями колесо обозрения в парке развлечений богов. Даже во сне Хонду заботило, а знают ли

об этом индусы. Вращение Земли не ощущается органами чувств, оно с трудом признается человеком благодаря научному знанию, так можно ли сразу признать круговорот человеческого существования, опираясь на обычные чувства и знание? Это есть нечто, лежащее вне пределов разума, и тем не менее вполне определенное интуитивное представление со своей собственной системой. Не выставит ли это знание индусов ленивыми, не заставит ли оно их сопротивляться прогрессу, не сотрет ли с их лиц общую убежденность в том, что их цель – прозревать чувства обычных людей и просто человеческие переживания?

Конечно, то были впечатления, навеянные путешествием. Но сон часто переплетался с самыми высокими образами и с самыми грубыми представлениями. В том, как Хонда размышлял во сне, сквозили и холодные, прозаичные рассуждения, сохранившиеся со времен прежней судейской службы, профессиональные привычки и характер человека, который не выносит идей в виде горячей еды, – он поспешно охлаждает обжигающую действительность и не положит себе в рот идею, пока она не приобретет вид замороженного продукта. Не будучи исключением из породы тех, кто во сне особенно осторожен, Хонда упорно держался прежней линии духовной самозащиты.

Во сне не туманно и неопределенно, а вполне явственно предстала перед ним более сложная, практически неразрешимая загадка. Ощущение чего-то жгущего осталось от нее

в теле и тогда, когда он проснулся. Ему казалось, что у него жар.

В конце коридора гостиницы слабо горел огонек на конторке, усатый гид Хонды тихо смеялся, перебрасываясь шутками с ночным портье. Увидев Хонду, в белом пиджаке приближавшегося по темному коридору, он издал почтительно поклонился.

Из гостиницы они отправлялись затемно, потому что хотели посмотреть на то оживление, которое царит на гатах на восходе солнца.

Бенарес был посвящен Брахме, который в политеистической религии индусов считался носителем единого начала и обладал трансцендентальной силой. Именно это единое божество воплощал в себе солнечный диск, и момент, когда солнце показывалось над линией горизонта, считался самым священным. Мудрец Шанкарачарья говорил: «Когда бог положит небосвод и Бенарес на чаши весов, тяжелый Бенарес опустится на землю, а легкий небосвод воспарит в воздухе»; значит, священный город Бенарес воспринимался наравне с небесной обителью.

Последователи индуизма видели в солнечном диске проявление высшего божественного сознания, считали, что именно солнце есть истинное воплощение бога. И весь Бенарес был наполнен поклонением и молитвами, обращенными к солнцу. Человеческое сознание сбрасывало здесь свои земные оковы и силой молитв приподнимало Бенарес, будто

ковер, в воздух.

По сравнению со вчерашним днем на гате «жертвы в десять лошадей» было полно народу, под бесчисленными зонтиками в предрассветных сумерках поблескивали огоньки свечей. В небе над густо заросшим противоположным берегом, под громоздившимися облаками уже заметны были проблески зари.

Под каждый из больших бамбуковых навесов ставили скамейки для отдыха, украшали красными цветами лингамы, олицетворявшие бога Шиву, готовили в металлических ступках красный порошок, которым после омовения нужно будет поставить на лоб знак благословения. Тут же рядом монахи наливал в латунный кувшин священную воду Ганга, готовился к тому, чтобы, смешав ее с алым порошком, ставить знак совершившим омовение. Некоторые из собравшихся, желая поклониться солнцу в воде, спешили вниз по лестнице; сначала они склоняли голову перед набранной в ладони водой, а затем медленно погружали в реку все тело. Другие в ожидании восхода сидели в строгих позах под зонтиками.

Лучи утренней зари разорвали небо над горизонтом, и весь пейзаж вокруг наполнился контурами и цветом: цвет женских сари, цвет женской кожи, цветы, язвы, священные сосуды из латуни – все это словно начало издавать окрашенные в разные тона вздохи восхищения. Тяжелые утренние облака постепенно меняли форму и, расходясь, давали дорогу свету. И когда наконец алый краешек утреннего солнца

показался над низкими зарослями, из уст Хонды и плотно, плечо к плечу стоящей вокруг него толпы разом вырвался благоговейный вздох. Многие опустили на колени.

Люди, по пояс стоявшие в воде, сложив ладони или раскинув руки, приветствовали светило, мало-помалу показывавшее весь свой алый круг. На волны цвета червонного золота упали тени от выступавших из воды тел и потянулись под ноги тем, кто стоял на ступенях. Ликующие крики неслись к поднимавшемуся солнцу. И один за другим тонули в водах реки, будто увлекаемые невидимой рукой.

Солнце уже стояло над зеленою чащи. Ярко-красный диск, на который пока еще можно было смотреть, через мгновение засиял слепящим блеском. Грохочущее, жуткое пламя.

И вдруг Хонду осенило. То солнце, о котором постоянно грезил Исао в своих мечтах о самоубийстве, было именно таким.

...По европейскому летосчислению примерно с начала четвертого века буддизм в Индии стал резко сдавать свои позиции. Прекрасно было сказано: «Индуизм задушил буддизм своими дружескими объятиями». Отношения между индуизмом и буддизмом были подобны тем отношениям, которые сложились у евреев между христианством и иудаизмом, а в Китае между конфуцианством и даосизмом; буддизм, чтобы стать мировой религией, отдал собственную родину во власть местных религий и неизбежно оказался изгнанным из Индии. Индуизм так, на всякий случай, оставил имя Будды в закуске своих многочисленных святилищ. В частности, среди десяти перевоплощений Вишну девятым по счету стал бодхисатва.

Индусы верили в десять перевоплощений Вишну: сначала животные – рыба, черепаха, вепрь, человеколев, потом человеческие – карлик, Парашурама, Рама, Кришна, Будда, Калкин. По мнению брахманов, идея «Вишну как воплощение Будды» имела оттенок ереси, ввергающей народ в мирскую суету, но именно она-то и дала брахманам возможность, просвещая народ, вернуть его в лоно главной религии – индуизма.

Так получилось, что пещерный храм Аджанты в западной части Индии, который с ослаблением буддизма постепенно

превратился в развалины, после двенадцатого века, до тех пор пока в 1819 году его случайно не обнаружил отряд английской армии, был миру неизвестен.

Двадцать семь каменных пещер в нависшей над притоком реки Годвари скале были выдолблены во втором веке до нашей эры, в пятом и седьмом веках нашей эры, и, кроме восьмой, девятой, десятой, двенадцатой и тринадцатой пещер, принадлежащих эпохе учения Хинаяны, все они относились к периоду буддизма Махаяны.

Хонде хотелось после посещения святой земли столь живого индуизма увидеть развалины, оставшиеся от погибшей религии.

Он был обязан отправиться туда. Почему-то был просто обязан.

Мысль о том, что это необходимо было сделать, укрепило и то, что как в самих пещерах, так и в окрестностях гостиницы, где он остановился, не было вихрящейся толпы, а царили тишина и чистота.

Да и то сказать, рядом с Аджантой не было места для ночлега. Хонда заказал гостиницу вместе с поездкой в знаменитую памятниками индуизма Эллору, поэтому его гостиница располагалась в Аурангабаде – от Эллоры это было на расстоянии миль восемнадцати, а до Аджанты оттуда было шестьдесят шесть миль.

Заботами компании «Ицуи» в гостинице для Хонды был приготовлен лучший номер, ждала первоклассная машина,

шофер-сикх был чрезвычайно почиттелен, и все это вызывало раздражение у других туристов – англичан. И в ресторане, перед тем как отправиться из гостиницы в поездку, Хонда ощущал молчаливую враждебность англичан по отношению к себе, единственному здесь азиату. Она проявлялась даже внешне. Официанта, который подал яичницу с беконом прежде на стол Хонды, подозвал и грубо обругал сидевший с супругой за соседним столом властный старик с пышными усами, по виду отставной военный. После этого все блюда на стол Хонды подавали в последнюю очередь.

Подобный инцидент омрачил бы душу любого путешественника. Но на Хонду это не произвело особого впечатления. После посещения Бенареса его сердце покрыла толстая броня, и все просто скользило по ней. Если подумать, то чрезмерная почиттельность официанта была связана со щедрыми чаевыми, заплаченными компанией «Ицуи», и Хонду, со времен своего судейства усвоившего положение об «уважении ранга клиента», происшедшее ничуть не уязвило.

Прекрасная черная машина, тщательно отполированная руками не менее пяти человек, ожидала Хонду, отражая буйно цветущие в саду перед гостиницей цветы. Вскоре он уже катил на ней по чудесным степям Западной Индии.

Здесь нигде не ощущалось присутствия человека. Только иногда, разбрызгивая воду придорожного болота, пробегала перед машиной, блестя темно-коричневой шкуркой, мангуста или выглядывали из кроны деревьев длиннохвостые обе-

зьяны.

В груди у Хонды родилось предчувствие очищения. Очищение по-индийски уж очень пугало, виденные им в Бенаресе обряды до сих пор охватывали жаром тело. Он жаждал глотка чистой воды.

Простор степи успокаивал Хонду. Ни полей, ни трудившихся на них людей – безграничная, дивная степь пускала к себе только темно-синие тени акаций где-то на горизонте. Болота, речушки, желтые и красные цветы – а над всем этим огромным нимбом висит раскаленное небо.

В этой природе не было ничего возвышенного или пылкого. Она праздно дремала в окружении сверкающей зелени. Для Хонды, чью душу обожгло зловещее, страшное пламя, степь была само спокойствие, здесь вместо брызг жертвенной крови из зарослей разлетались девственно-белые цапли. Их белизна темнела, когда они пролетали в тени глубокой зелени, а потом снова ослепительно являлась свету.

Разбросанные по небу в той стороне, куда они ехали, чуть скрученные, с лохматыми краями облака сияли шелком. Даже синева не могла соперничать с их блеском.

Хонду умиротворяла одна мысль: «Скоро я окажусь там, где царит буддизм. Пусть даже поверженный, лежащий в руинах».

Чудесное красочное изображение Будды – так в мечтах представлял буддизм – он воображал кусочком льда, и среди безмятежной тишины этих степей в душе уже зарождалось

предчувствие заброшенности и одиночества.

Хонда неожиданно ощутил, что возвращается домой. Из владений живого, крикливого индуизма он теперь возвращался туда, где колокол храма был уничтожен, но именно поэтому звуки его пропитали все вокруг и жили. Когда Хонда думал о Будде, который ждал его там, куда он возвращался из царства Абсолюта, то ему казалось, что в буддизме он не встречал стремлений к категоричности. Тишина родных мест, о которой он грезил, была сродни этому движению к закату и разрушению. На краю этого дивного раскаленного небосвода скоро появится место упокоения буддизма, то, что от него осталось. Еще не видя, Хонда явственно ощущал все то, что исцелит его обожженную пламенем душу, – темный холодный воздух, прохладу камня в пещерах, чистоту горной воды.

Это была слабость души. Скорее всего, обрушившееся на него буйство красок, вся та плоть и кровь преследовали его, заставляли стремиться к иной – спокойной, застывшей в камне – религии. Даже в форме облаков в той стороне, куда он двигался, присутствовало это чистое неторопливое угасание. Густая, манящая тень деревьев казалась призрачной. Там не было людей. В мире тишины с полным отсутствием звуков, не считая ленивого рокота мотора, степной пейзаж, неторопливо проплывавший за окном, понемногу возвращал Хонду чувствами к родному дому.

Как-то неожиданно они выехали на край ущелья, врезав-

шегоя в ровно расстилавшуюся степь. Это была примета Аджанты. Машина кружным путем стала спускаться к реке, которая, как лезвие бритвы, сверкала на дне ущелья.

...В лавочке, куда Хонда зашел размять ноги, выйдя из машины, было полно мух. Из ближайшего окошка он смотрел на входы в каменные пещеры, которые начинались по ту сторону площади. Ему казалось, что ринуться туда не рассуждая значило бы изменить тому одиночеству, которое ему сейчас было нужно. Он купил открытку и, уже держа влажными пальцами вечное перо, некоторое время рассматривал грубо отпечатанную фотографию каменных пещер.

У него снова возникло предчувствие, что будет шумно. Сновали какие-то черные, глядевшие с подозрением люди в белых одеждах, на площади, продавая местные украшения, кричали худые дети. Желтое безжалостное солнце проникало во все уголки площади, а в темной комнате на столе перекатывались три маленьких сморщенных апельсина. Их облепили мухи. Из кухни плыл резкий, назойливый запах жареного.

Хонда стал писать на открытке. После долгого перерыва он писал жене – Риэ:

«Я в Аджанте – приехал посмотреть пещерный храм. Сейчас как раз отправляюсь туда. Передо мной оранжад, но края стакана засижены мухами, и пить невозможно. Я слежу за здоровьем, так что не беспокойся. Индия поистине необыкновенная страна. Береги свои почки. Привет матери».

Говорило ли это письмо о любви, привязанности? Стиль его писем всегда был таким. Несомненно, взяться за перо Хонду заставили витавшая в душе нежность и желание вернуться домой, но, выраженные словами, чувства всегда казались суховатыми.

Риэ, конечно, на сколько бы лет он ее ни оставил, встретит вернувшегося Хонду с той же спокойной улыбкой, с какой его провожала. Она из тех женщин, у которых выражение лица при расставании и выражение лица при встрече полностью совпадают, совсем как гербовый узор из лепестков на левом и правом рукаве. Казалось, ее лицо, различимое неясно, словно луна среди дня, лицо, на котором постоянно присутствовали признаки ее легкого недомогания, лучше сохранилось в памяти именно на расстоянии. Ну разве можно ненавидеть такую женщину? Когда Хонда писал открытку, в глубине души он ощущал полный покой и благодарность. Уверенность в том, что его любят, – это было совсем из другого мира.

Закончив писать, Хонда сунул открытку в карман снятого пиджака и поднялся со стула. Он решил, что отправит открытку из гостиницы. Вышел на залитую солнцем площадь. Сопровождающий неотступно следовал за ним.

Двадцать семь каменных пещер были пробиты в обнаженной породе посередине спускавшегося к воде обрыва. Река, песчаная отмель, камни, потом трава – подъем постепенно становился круче, на самом верху росли деревья, а где-то по-

середине был каменный карниз, который тянулся вдоль пещер.

Первая пещера была молельней. В Аджанте сохранились остатки четырех молелен и двадцати трех монастырских келий.

Как Хонда себе и представлял, тут присутствовали и запахи плесени, и холодный мрак, но когда на огромную статую Будды в глубине пещеры от входа размером с половичок падал свет, были ясно видны сверкающие контуры фигуры, застывшей в позе медитации. Для того же, чтобы рассмотреть фрески, сплошь покрывавшие потолок и четыре стены, света было недостаточно, и луч карманного фонарика, который держал сопровождающий, кружа, как летучая мышь, слабо освещал то тут, то там отдельные кусочки. Взору являлись картины человеческих заблуждений и страданий, которые Хонда никак не ожидал увидеть.

В кругу света всплывали свободные позы полуобнаженных женщин с золотыми коронами на голове и куском блестящей ткани на бедрах. В руках многие из них держали цветок лотоса. Их лица были похожи, как у сестер. Полузакрытые, удлиненные глаза и тонкие, как серп молодой луны, брови. Холодность прекрасного умного лба смягчали чуть раздувавшиеся ноздри. Полная нижняя губа, форма губ, переданная одним мазком. Так, наверное, будет выглядеть повзрослевшая принцесса Лунный Свет. От маленькой принцессы эти женщины отличались созревшим телом, их гру-

ди и сейчас казались готовыми лопнуть от зрелости плодами граната. На груди, как переплетенные лианы, небрежно путались изящные ожерелья из золотых и серебряных шариков. Здесь были фигуры, изображенные со спины: женщины сидели, отведя в сторону согнутые в коленях ноги, что подчеркивало изящество талии, у других – выпуклый живот, вздергивавший вверх спускавшуюся с талии материю. Одни женщины танцевали, другие находились при смерти...

Когда человек выходил из первой пещеры, лучи тропического солнца, подобно резкому удару гонга, мгновенно возвращали в призрачный мир только что увиденное им, и это давало людям ощущение, будто они в легкой дневной полудреме посещают пещеры памяти, где забыли свое сердце. О реальности напоминали лишь сверкающие перед глазами воды притока Годвари и голый речной берег.

Как всегда, Хонда стремился избежать беспечной болтовни сопровождающего. Поэтому в пустой пещере монастыря, через которую равнодушно прошел сопровождающий и которую не удостоили вниманием другие посетители, Хонда задержался и остался там один.

Именно пустота давала здесь волю воображению. Тут не было ни статуи Будды, ни фресок – того, на что полагалось бы смотреть, здесь справа и слева тянулись толстые темные колонны, а далеко в конце, в плотном мраке было устроено что-то вроде кафедры – длинные, широкие каменные столы уходили вглубь, больше здесь ничего не было, но рассеян-

ный свет создавал впечатление того, будто вот только что из-за этих каменных столов, служивших и для занятий, и для приема пищи, поднялись монахи и вышли наружу глотнуть воздуха.

Полное отсутствие красок действовало на Хонду успокаивающе. Однако если присмотреться, то в небольших углублениях на поверхности каменных столов можно было обнаружить медленно исчезающие остатки красной охры.

Кто-то и сейчас был здесь, только ненадолго вышел?

Так кто же здесь был?

Хонде чудилось, словно тьма, обступившая его в холодной пещере, что-то шепчет. Впервые после приезда в Индию полное отсутствие украшений и красок вызывало у него ощущение чего-то загадочного. Угасание, разрушения, исчезновение, как ничто иное, заставляли просто кожей чувствовать признаки жизни и свежести бытия. Нет, существование уже начинало принимать здесь определенные формы. Например, в запахе плесени, буйно разросшейся на обычных камнях.

То, что творилось в его душе, можно было бы описать как смесь радости и тревоги, как какое-то животное чувство — то же чувствует лиса, когда, почуяв далекий запах, начинает красться к добыче. Было непонятно, что это, но рука памяти уже цепко за это ухватилась. Надежды смущали душевный покой.

Когда Хонда, покинув монастырь, двинулся в ярком свете

к следующей, пятой пещере, за резким поворотом карниза открылся новый вид – дорога перед пещерами теперь шла внутри вырезанной в круче колоннады. Колонны были мокрыми, потому что колоннада находилась за потоками воды, которые низвергали два водопада. Понимая, что пятая пещера находится где-то там, Хонда остановился на повороте, чтобы посмотреть на водопады.

Один из водопадов разбивался, попадая на скалы, другой серебряными нитями растекался дальше, но оба были узкими и стремительными. Вода обоих потоков, стекая вдоль желто-зеленой скалы в реку, вызывала громкое эхо. Позади водопадов и по обеим сторонам от них виднелись темные полости пещер, воду охраняли купы ярко-зеленых акаций и алые цветы, блистали во всем великолепии падавшая вода и радуга, встававшая в водяной пыли. А линию взгляда пересекали порхавшие желтые бабочки.

Хонда поднял глаза кверху, туда, откуда низвергались потоки, и был поражен головокружительной высотой. Исток находился слишком высоко, и казалось, что место, где стоит сейчас Хонда, покинуто миром, глядящим оттуда. Каменную стену, вдоль которой низвергались водопады, покрывала зелень мха и темная зелень папоротника, а там, на вершине у истока, она имела чистый желтый оттенок. Там тоже виднелись скалы, но цвет травы, ее шелковистость были совсем из другого мира. Ту траву щипал черный козленок. А еще выше по бескрайнему небу были разбросаны блистающие облака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.